

ПИСЬМА КНЯЗЯ Д. И. ДОЛГОРУКАГО КЪ ОТЦУ

25 Декабря 1822 г.—6 Января 1822 г.

Пока я писалъ вамъ это письмо, любезный батюшка, я получилъ одно изъ вашихъ помѣченное 6-мъ Ноября. Извѣстiе о томъ, что вся наша семья находится въ добромъ здоровьи, сердечно обрадовало меня, и я никакъ не могу примириться съ тѣмъ, что нахожусь такъ далеко отъ васъ. Не въ моемъ характерѣ близко сходиться съ людьми, и я сталкиваюсь съ ними скорѣе отъ скуки, чѣмъ отъ желанiя имъ понравиться; такимъ образомъ, мысленно я всегда тамъ, гдѣ находятся мои близкiе, и никогда еще я не ощущалъ въ душѣ такой пустоты, какъ живя въ Италии.

По новому стилю уже наступилъ Новый Годъ, наступить и у васъ къ тому времени, какъ вы получите это письмо. Поэтому отъ всей души поздравляю васъ, а также всю нашу семью, съ Новымъ годомъ и праздниками. Постъ, закрывавшiй доступъ во всѣ балныя и театральныя залы, и разрѣшавшiй только скучное удовольствiе хожденiя въ гости, теперь кончился, и балы и спектакли возобновились. Музыканты Демидова благополучно прибыли, и онъ даетъ намъ очаровательныя представленiя. Фрожэ, долго бывшiй въ Петербургѣ, снова здѣсь, и снова римская публика въ восторгѣ отъ этой игры. Безпорядокъ, царящiй въ домѣ этого русскаго вельможи, очень напоминаетъ строй жизни перваго представителя Москвы. Тоже неустройство во всемъ: этрусская ваза и рядомъ (съ позволенiя сказать) ночной горшокъ, прекрасная картина рядомъ съ коркой хлѣба и т. д., и т. д. Его доходы такъ велики, что на нихъ кормится чуть ли не четверть всего промышленнаго населенiя города. Все утро онъ проводитъ у торговцевъ старинными вещами, и его комнаты полны не бѣдняками, которымъ онъ помогаетъ, а кусками колоннъ и никому ненужными бездѣлуш-

ками. Онъ покупаетъ, а его обманываютъ, во вѣдь бѣдные всегда грѣются около богатыхъ, а мошенники обогащаются на счетъ легко-вѣрныхъ. Римъ одинъ изъ городовъ, живущихъ на счетъ прїѣзжихъ иностранцевъ. Число ихъ очень велико, а такъ какъ бесплатно ничего нельзя осматривать, то за малѣйшую достопримѣчательность берутъ деньги. Несмотря на все его богатство, жалко смотрѣть на Демидова. Онъ очень блѣденъ, горбится, и его возятъ въ креслѣ. Его сынъ обѣщаль отказаться отъ Парижа; онъ скоро вернется въ Римъ, и отецъ лелѣеть мечту женить его на дочери князя Петра Волконскаго, которая прїѣхала сюда съ матерью и княгиней Зинаидой, ея невѣсткой.

Русская колонія въ Римѣ увеличивается съ каждымъ днемъ. Теперь здѣсь живетъ князь Андрей Разумовскій съ женой, затѣмъ сенаторъ князь Гагаринъ, братъ нашего совѣтника посольства съ женой, родной сестрой Алексѣя Пушкина, и князь Трубецкой съ супругой и дѣтьми:— вотъ сколько русскихъ стѣхалось сюда, одни, чтобы поправить здоровье, другіе—чтобы вбить себѣ въ голову имена художниковъ и скульпторовъ.

Я забылъ о Нарышкиной, женѣ Кирилла. Это очаровательная особа, о которой говорятъ много хорошаго. Я видѣлъ у ея ногъ знаменитаго Паскье, пѣра Франціи и перваго министра. Онъ весьма любезенъ и очень любопытный человѣкъ. Онъ говоритъ свободно и блестяще.

Въ Римѣ много танцуютъ, но котильона итальянскія дамы не любятъ. Онѣ предпочитаютъ медленный, плавный вальсъ и французскую кадрили, которые исполняютъ весьма неуклюже. Это противорѣчитъ живости итальянскаго характера, и какъ то разъ на балу у французскаго посланника я забавлялся тѣмъ, что заставлялъ ихъ выдѣлывать восьмерку въ фигурѣ котильона, который мы танцовали на зло дикаркамъ, подъ моимъ руководствомъ и по моей инициативѣ. На кого стоило посмотрѣть въ этомъ пресловутомъ котильонѣ, такъ это на англичанъ. Ахъ, уморительные люди, (просто забавная карриатура)!

Нѣсколько дней у насъ стоятъ сильные холода, которые и сейчасъ еще не прекратились. Шелъ даже снѣгъ, на нѣсколько минутъ покрывшій землю. Это явленіе бываетъ не чаще, чѣмъ разъ въ годъ, все остальное время погода такъ хороша, что я забылъ о теплой одеждѣ. Но все таки каминъ у меня всегда топится, и въ концѣ этого письма, дорогой батюшка, вы увидите небольшое стихотвореніе моего

сочиненія. которое покажетъ вамъ, что мое любимое мѣсто—у камелька. Если вы найдете его достойнымъ такой чести—пожалуйста прочитайте его на одномъ изъ вашихъ великопостныхъ вечеровъ, чтобы доказать обществу. къ которому я принадлежу, что я не забылъ о возложенныхъ на меня обязанностяхъ.

А такъ какъ я посвящаю это произведеніе вамъ, любезный батюшка. то умоляю васъ, поправляя его, не щадите самолюбія поэта. Я пишу мало стиховъ съ тѣхъ поръ, какъ изучаю Данте и Петрарку. Въмѣстѣ съ ними я то спускаюсь въ адъ, то блаженствую въ раю.

Итальянская литература даетъ совершенно новое направленіе моимъ мыслямъ. Я нахожу въ ней все новыя красоты. Я уже свободно говорю по итальянски и могу поддерживать любой разговоръ.

У насъ было уже пять спектаклей, и всё сошло прекрасно. Знаменитая Давидъ покорила римскую публику. Но музыка здѣсь плохая, и кромѣ оперъ Россіи ничего не хочется ничего слушать. Въ Италіи есть обычай въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ставить одну и ту же пьесу, такъ что приходится по нѣскольку разъ смотрѣть одно и то же. Итальянская знать ведетъ удивительно замкнутый образъ жизни. Одинъ герцогъ Торлонія даетъ вечера, на которыхъ рѣдко бываетъ весело.

Дмитрій выздоровѣлъ и пріѣхалъ ко мнѣ въ Римъ. Боюсь, какъ бы бездѣлье и сонливость, къ которой онъ очень расположенъ, не заглушили его способность къ труду.

Молодой Горчаковъ назначенъ первымъ секретаремъ посольства въ Лондонъ; вы вѣроятно знаете объ этомъ, такъ какъ его отецъ въ Москвѣ.

Говорятъ, что у молодого человѣка воспаленіе легкихъ и что врачи приговорили его къ смерти (но это между нами, любезный батюшка).

Мишель написалъ мнѣ о новомъ назначеніи Поля. Я не знаю, радоваться или жалѣть объ этомъ! Все таки я предполагаю, что ему будетъ пріятнѣе служить здѣсь, чѣмъ въ Бессарабіи—дай то Богъ!

Я очень доволенъ своими сослуживцами. Князь Гагаринъ—чудный человѣкъ, также какъ и графъ Касаковскій.

На дняхъ мы посылаемъ фельдъегеря. и онъ доставитъ вамъ это письмо. Дай Богъ, чтобы оно застало васъ всѣхъ здоровыми. чтобы Господь исполнилъ пламенноежеланіе сына, величайшее счастье котораго составляютъ родители. Желаю вамъ начать новый годъ радостно. спокойно и во всѣхъ отношеніяхъ счастливо.

Считаю своимъ долгомъ просить васъ, дорогой батюшка, сдѣлайте милость, помогите нашей нянѣ Катеринѣ. Кажется, ея мужъ долго не протянетъ, мы такъ обязаны ей за ея нѣжный уходъ въ дѣтствѣ, что теперь нужно и намъ войти въ ея положеніе. поэтому умоляю васъ. окажите ей знаки вниманія, и этимъ оплатите ей за услуги. когда то оказанные ею нашей семьѣ.

Въ Ватиканѣ одинъ ученый, по имени Мей, открылъ новое сочиненіе Цицерона о республикѣ!!

Современникамъ писателя было знакомо это произведеніе, они не разъ упоминали о немъ, но намъ оно было совершенно неизвѣстно до сихъ поръ.

Просматривая рукописи Ватиканской библіотеки. Мей нашель пергаментъ, на которомъ остались едва замѣтные, почти стертые слѣды словъ, написанныхъ когда-то, а сверху было написано какое-то другое богословское сочиненіе. Мей списалъ древнюю надпись и оказалось, что это новое, неизвѣстное сочиненіе Цицерона.

Сегодняшній день. напоминаетъ мнѣ о священной обязанности, которую я привыкъ выполнять, и вы не повѣрите, какъ я страдаю оттого, что теперь приходится отказаться отъ этого. Это происходитъ потому, что здѣсь нѣтъ ни православной церкви, ни священника и нужно сдѣлаться католикомъ для того, чтобы выполнить религіозный долгъ. Сдѣлаться католикомъ!??

Милліонъ разъ извиняюсь передъ де-Бравура. Я проѣзжалъ черезъ Болонью *какъ курьеръ*, и положительно не имѣлъ возможности передать по адресамъ пакеты, о которыхъ онъ меня просилъ. Я берегу ихъ у себя, и прошу де-Бравура не беспокоиться за ихъ сохранность цѣлость.

Передайте княгинѣ Куракиной увѣренія въ глубочайшемъ уваженіи и искреннемъ чувствѣ привязанности, которыя питаетъ къ ней ея

любимецъ. Чѣмъ старше онъ становится, тѣмъ болѣе онъ гордится этимъ званіемъ. хотя онъ еще не вполне доіосъ до того, чтобы какъ слѣдуетъ оцѣнить прекрасныя свойства достойнѣйшаго друга и утѣшителя его отца.

„Въ цѣлой Россіи сегодня Рождество, а у Демидова будетъ *точило* и комедь! Это для того, что между вашимъ и нашимъ сегодняшнимъ днемъ около трехъ тысячъ верстъ разстоянія.—Но, я не разсуждаю далѣе“.

Засвидѣтельствуйте мое почтеніе князю Жоржу. Крѣпко цѣлую Александра.

„Я хотя и въ Римѣ, и восхищаюсь Аполлономъ Бельведерскимъ, но не отказался бы побывать въ его медвѣжьей шубѣ. У насъ морозъ трескучій! ¹⁾ Обнимаю отъ всей души Антонину и Петра. Кланяюсь Лизаветѣ Ивановнѣ, Пашетѣ. Грушѣ (я надѣюсь, что онѣ не разсердятся за сіе сокращеніе) и всему домашнему причту и глаголу“.

Дорогая матушка и милая тетушка, нѣжно и почтительно цѣлую имъ ручки и прошу принять особыя поздравленія съ Новымъ годомъ и пожеланія счастья, что и дѣлаю отъ всего сердца.

Прощайте, дорогой батюшка. Молю Бога о томъ, чтобы вы были спокойны, а также—и довольны мной. Я совершенно здоровъ и буду счастливъ, когда узнаю, что у васъ все благополучно. Затѣмъ кончаю это письмо, и цѣлуя вамъ руки, прошу родительскаго благословенія.

Вашъ покорный и преданный вамъ

сынъ Дмитрій.

Передайте мое почтеніе Вельяминовой и всей ея семьѣ.

„Катѣ, Терентичу, супругѣ его и бабинькѣ кланяюсь“.

Каминъ.

Nessun maggior dolore.
che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria.

Отцу моему.

Люблю въ ненастьѣ у Камина
Задумчиво, друзья, сидѣть.
Люблю, когда въ душѣ кручина,
На бѣглый огонекъ смотрѣть.
И съ Тибра береговъ кичливыхъ,

¹⁾ Т. е. четыре градуса холода.

Въ порывахъ думъ нетерпѣливыхъ
Летѣть на родину порой.
Межъ тѣмъ какъ искры, исчезая,
Въ дыму прозрачномъ умирая,
Шлють вѣждамъ сонъ, душѣ покой.

Что чувствую тогда—не знаю:
Какъ между небомъ и землей.
Какъ въ люлькѣ дѣтище, вкушаю
Забвенье тихую струей.
На крыльяхъ памяти носимый,
Въ какой то край необозримый,
Все въ даль лечу.... Каминъ потухъ.
Минута!... и каминъ пылаетъ,
Блеститъ и снова угасаетъ,
И снова взволновался духъ!

Уже надъ Римскими холмами
Не видно золотыхъ лучей.
Стоять какъ призраки рядами
Останки храмовъ, Колизей.
Небесъ для всѣхъ одни законы.
Исчезли сильныхъ легионы.
Въ туманѣ тысячей вѣковъ,
Народъ терпѣль, цари карали,
И до боговъ возвысаясь, пали....
Здѣсь ихъ развалины гробовъ.

Повсюду тишина ночная.
Тамъ Тибръ и ропщеть, и бѣжитъ,
И слава Римлянъ, возсѣдая
Мнѣ о прошедшемъ..... молчить.
Я слышу—отдаленны тѣни
Бѣгутъ толпою въ мрачны сѣни
И тихій внемлю разговоръ:
„Въ свободѣ здѣсь, въ цѣняхъ тамъ рабства,
„За царствами погибнуть царства.
„Судьбы то вѣчный приговоръ.*)

*) Эта строфа перечеркнута карандашомъ.

Что жь слава, что вѣнецъ въ семь мѣрѣ.
 Коль съ ними гибнетъ человѣкъ?
 Гдѣ польза въ томъ, что Бардъ на лирѣ
 Прославить людямъ славный вѣкъ?
 Съ начала мѣра жребій розданъ.
 Въ немъ человѣкъ для смерти созданъ.
 Ея не замедлимъ приходъ.
 Царя достигнетъ на престолѣ,
 Раба освободитъ въ неволѣ,
 Встревожитъ рѣзвый хороводъ.

О счастливъ тотъ, кому судьбою
 Дана подруга въ жизни сей,
 Кто съ ней бредетъ рука съ рукою,
 Тому вся жизнь нить ясныхъ дней.
 Но жаль того, кто съ ней въ разлукѣ,
 Кто, бредя у Камина въ скукѣ,
 Ждетъ вѣсти трепетной душой,
 Кого ничто не развлекаетъ
 И все кому напоминаетъ,
 Что онъ не въ хижинѣ родной.

Блаженъ! но съ словомъ симъ, пылая,
 Каминъ мой уголь освѣтилъ,
 Блеснула рамка золотая,
 Родитель, въ ней твой образъ былъ.
 Я съ нимъ Поэта вспоминаю,
 Встаю, огонь мой заливаю,
 Смущенный мыслью наконецъ:
 Боговъ неравны награжденья,
 Тебѣ досуга наслажденья,
 Ему безсмертье и вѣнецъ!—

Римъ, 9/12 Февраля 1823 г.

Съ живѣйшей радостью получилъ я, любезный батюшка, ваше письмо отъ 4-го Декабря. отвѣтъ на мое, написанное по возвращеніи изъ Неаполя въ Римъ. Удивляюсь, какъ неисправно были доставлены вамъ мои письма изъ Турина и Флоренціи, но такъ какъ, благодаря громадному разстоянію, никакая провѣрка невозможна. я радуюсь хоть тому, что они не пропали совсѣмъ.

Ваше послѣднее письмо было въ дорогѣ почти два мѣсяца, и я приписываю такую неприятную задержку только тому, что не было оказіи, чтобы отправить ихъ.

Извѣстія о нашей семьѣ безконечно радуютъ меня, особенно послѣ великихъ и тяжкихъ потерь, которыя выпали на нашу долю, и которыя мы переносили съ мужествомъ, посланнымъ намъ Богомъ вмѣстѣ съ несчастьемъ.

Такъ какъ описаніе моего путешествія удостоилось вашей похвалы, я приложу всѣ усилія, чтобы описать послѣднюю недѣлю, которая прошла такъ необычно для меня и шумно для всѣхъ остальныхъ, что вполнѣ заслуживаетъ подробнаго описанія.

*

„Римскій карнаваль не праздникъ, который устраиваютъ для народа, а праздникъ, который даетъ самъ народъ.“

Гете.

Мало любоваться Аполлономъ Бельведерскимъ или прогуляться въ термахъ Тита; мало присутствовать при прекраснѣйшей религиозной процессіи или любоваться луною среди развалинъ огромнаго Колизея,—нужно видѣть римскій карнаваль, дни, когда всѣ дурачатся, всѣ бѣгаютъ, маскируются, суетятся. Въ это время Римъ имѣетъ видъ настоящей республики. Присутствіе его Главы становится совершенно незамѣтнымъ, и важный римлянинъ съ озабоченнымъ выраженіемъ лица, въ теченіе года занятый или Небомъ или своими дѣлами, на время забываетъ и свои занятія, и своего Бога.

Никто не вмѣшивается въ народное веселье, но само веселье не совсѣмъ обычно.

Нѣтъ ни дикихъ криковъ, ни необузданныхъ выходокъ, вся радость—въ шуткѣ, въ умственномъ возбужденіи. Послѣдній простолюдинъ старается острить, по мѣрѣ силъ создаетъ характеръ надѣтой маски; дѣлается то непристойнымъ, то забавнымъ, то смѣшнымъ, но никогда не бываетъ скучнымъ. Самая застѣнчивая женщина становится бѣсенкомъ, надѣвая маску, и наконецъ, какъ говоритъ Гете, все, кромѣ убійства, разрѣшается въ эти дни всеобщаго сумасбродства. Общество ждетъ наступленія этихъ дней съ такимъ же нетерпѣніемъ, какъ и народъ, а дѣти видятъ ихъ во снѣ за мѣсяць впередъ.

Правительство явно принимаетъ серьезное участіе во всемъ этомъ. О наступленіи карнавала объявляется наканунѣ; толпа людей, наряженныхъ въ ливреи, верхомъ развѣзжаетъ по городу: каждый держитъ въ одной рукѣ знамя римскаго сенатора, украшенное его гербами, а въ другой рожокъ, звукъ котораго возвѣщаетъ начало конскихъ состязаній, такъ называемыхъ *barbari*. Такое начало уже подготавливаетъ народъ, онъ радъ сбросить съ себя ярмо, которое носить цѣлый годъ.

Обычай итальянцевъ забавляться конскимъ бѣгомъ теряетъ начало въ глубокой древности. Сначала устраивались облавы на свиней, потомъ между двумя рядами зрителей гоняли евреевъ, наконецъ устроили конскія бѣга, и во избѣжаніе неприятностей стали употреблять для этой цѣли лошадей, нанятыхъ за извѣстную плату у римскаго сената. Такимъ образомъ каждый годъ на масляницѣ нужно отправляться въ Капитолій и тамъ, упавши ницъ передъ римскимъ сенатомъ (состоящимъ изъ одного единственнаго сенатора), умолять, чтобы онъ далъ надлежащее разрѣшеніе, предлагая за это выкупъ въ видѣ знаковъ почтенія и уваженія. Въ старину знатнѣйшіе римскіе вельможи держали особыхъ лошадей для бѣговъ, теперь этотъ обычай перешелъ къ простому народу.

Корсо единственное мѣсто въ городѣ, гдѣ празднуется карналь. Эта улица начинается отъ площади, украшенной великолѣпнымъ обелискомъ, на самомъ краю города, и тянется вплоть до Венеціанскаго Дворца. Это самая лучшая и самая чистая улица въ Римѣ. Она совсѣмъ не широка: экипажи съ трудомъ помѣстятся на ней въ три ряда.

Но ее обрамляютъ самые лучшіе дворцы, а прекрасная колонна Антонина стоитъ на площади, образуемой этой улицей. Окна, роскошно убранная развѣвающимися по вѣтру шелковыми матеріями яркихъ цвѣтовъ, объявляютъ о началѣ всеобщаго упоенія, стѣны украшены масками, а въ лавкахъ выставлены костюмы; балконы полны народа, а на тротуарахъ, на возвышеніи, во всю длину улицы, въ два ряда поставлены скамейки и стулья—такъ блестяще открывается это чудное зрѣлище.

Сенаторъ Рима открываетъ Карнаваль. Онъ проѣзжаетъ вдоль Корсо въ парадной коляскѣ, съ блестящей свитой позади. Затѣмъ вскорѣ начинается шествіе! Слышны звуки музыки, и экипажи въ два ряда устанавливаются на Корсо. Тогда то сюда устремляется весь го-

родъ и всѣ. большіе и малые, надѣваютъ маски. Вотъ какой то ученый несетъ околесную, подъ маской волка кто-то воетъ, съ одной стороны болтаетъ женщина, а съ другой отплясываетъ шутъ, и вы должны удивляться, если вами не завладѣетъ толпа клоуновъ и гримасами, и голосами индѣйскихъ пѣтуховъ не напомнить вамъ о томъ, что теперь не время для размышленій и заботъ.

Между тѣмъ можно видѣть лучшіе костюмы на катающихся въ современныхъ экипажахъ или древнихъ колесницахъ съ пассажирами въ красивыхъ маскахъ.

Мало по малу толпа растетъ, и шумъ усиливается. Женщины всѣхъ сословій занимаютъ скамейки и стулья. Кучера и продавцы кричатъ: avanti! avanti! luoghi! confetti! Съ трудомъ можно двигаться. Заговариваютъ другъ съ другомъ, толкаются, скачутъ, кричатъ, нападаютъ, и одинъ и тотъ же предметъ ни на одно мгновеніе не останавливается у васъ передъ глазами.

Но верхъ безпорядка вносятъ конфетти. Никто не застрахованъ отъ нихъ, и нерѣдко встрѣтишь подбитый глазъ.

Дождь конфетти падаетъ какъ на принцевъ крови, такъ и на простыхъ смертныхъ, никому нѣтъ пощады и горе женщинѣ, зазѣвавшейся у балкона, гдѣ сидятъ ея поклонники! Конфетти падаютъ какъ снѣгъ, подгоняемый вѣтромъ въ мятель. Какъ только война загорѣлась, она становится всеобщей. Слуги защищаютъ господъ, мужа—жену, женщины—дѣтей; каждый дѣлаетъ это отъ души, потому что всѣ находятся въ одинаковомъ положеніи, и нужно отдать справедливость итальянцамъ:—самыя хорошенькія женщины смотрятъ на дождь конфетти какъ на должную дань своей красотѣ; самыя безобразныя—какъ на одолженіе со стороны тѣхъ, кто дѣлаетъ, а остальные, увы! какъ на неизбѣжное зло.

Тѣмъ временемъ остальные улицы города пустыньны. На развалинахъ нѣтъ ни души.

Чудная погода каждый годъ благопріятствуетъ успѣху Карнавала, всѣмъ нравится мягкій вѣтерокъ. Солнечные лучи освѣщаютъ милыя женскія лица. Не увидишь тучки ни на небѣ, ни у нихъ на лбу, а спокойствіе въ природѣ составляетъ странную противоположность съ судорожнымъ весельемъ людей! Не можетъ быть болѣе изящнаго праздника!

Римская полиція самая удивительная вещь на свѣтѣ. Она ни груба, ни податлива, но все происходитъ въ порядкѣ. достойномъ изумленія, прямо военная дисциплина.

Во время карнавала не бываетъ ни одного несчастія, и даже ссоры крайне рѣдки.

Къ Ave Maria, т. е. къ пяти часамъ, дневныя развлечения кончаются, начинается перерывъ передъ конскими состязаніями. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ объявляютъ о началѣ знаменитаго зрѣлища. Тогда, будто чудомъ, въ одно мгновеніе экипажи скрываются: толпа овладѣваетъ всей улицей. Еще пушечный выстрѣлъ, и толпа раступается, оставляя на мостовой пустое пространство, шириною въ десять шаговъ.

Съ трудомъ можно окинуть глазомъ Корсо, длиною почти въ двѣ версты. Когда мѣсто для состязаній очистилось, по немъ проносится въ галопъ отрядъ кавалеріи. Это сигналъ для выступленія *barbari*.

На площадь выводятъ лошадей мелкой и дикой породы, ихъ раздражаютъ и понукаютъ всеми способами, вплоть до привязыванія къ тѣлу шариковъ, усѣянныхъ остріями, которыя раздражаютъ ихъ во время бѣга.

Ихъ окружаетъ громадный амфитеатръ, полный народа.

Ноздри у нихъ раздуваются, онѣ дрожатъ отъ нетерпѣнія, становятся дыбы, ржутъ и стараются раньше времени вырваться изъ рукъ конюховъ, которые крѣпко держатъ ихъ. Наконецъ дается сигналъ.— Народъ шумитъ, торопится и испуганныя лошади срываются съ мѣста такъ, что искры летятъ изъ подъ копыть. Съ изумительной быстротой онѣ проносятся по Корсо. Свободныя, никѣмъ не управляемыя, ничѣмъ не сдерживаемыя, кромѣ народа, мѣшающаго имъ потерять вѣрное направленіе, черезъ 3 минуты онѣ уже на другомъ концѣ Корсо.

Тамъ есть маленькая улочка, гдѣ ихъ хватаютъ ожидающіе ихъ тамъ хозяева. Бываетъ, что лошади падаютъ послѣ такого бѣга. Такъ велико ихъ усердіе.

Какъ только лошади промчались, толпа снова запруживаетъ всю улицу. Множество мушкетеровъ и женщинъ, въ маскахъ, разбредается по

сосѣднимъ улицамъ, и затѣмъ, по всему Риму. Тамъ происходятъ самыя смѣшныя и самыя занимательныя сцены, все можно сказать и всего наслушаться: трудно вообразить себѣ, что только творится.

Скажу только, что Корсо положительно дѣлается домомъ сумасшедшихъ: какъ будто бы выпустили на свободу не одну тысячу умышленныхъ. Городъ находится въ ихъ рукахъ, и сколько хорошенькихъ итальянокъ, забывая о своихъ костюмахъ вакханокъ, по привычкѣ набожно преклоняютъ колѣна передъ Мадонной-заступницей!

Такъ проходитъ карнавалъ въ Римѣ. Одно и тоже повторяется каждый день, кромѣ пятницы, когда отмѣняются всѣ свѣтскіе праздники, и послѣдняго дня масляницы, предназначеннаго для *rossoli*. Этотъ обычай заключается въ томъ, что всѣ зажигаютъ свѣчи, и каждый имѣетъ право потушить свѣчу у сосѣда. Внутренность домовъ, окна, балконы, вся цѣлая улица—все сразу освѣщается. Начинается всеобщее смятеніе.

Каждый можетъ войти, куда ему вздумается и потушить все, что горитъ.

Кареты и коляски, наполненныя людьми и свѣчами, какъ живые факелы разъѣзжаютъ по городу, а экипажъ, не имѣющій *rossoli*, освистывается тысячкою голосовъ.

Но самое удивительное въ этомъ обычаѣ, это крикъ, сопровождающій странное торжество: вмѣсто „тушить“ кричатъ „убивать“—*amazzare!* Ночь, факелы, состязаніе массы людей, бросающихся другъ на друга, маски, наконецъ это ужасное слово, съ которымъ сынъ обращается къ отцу, мужъ къ женѣ, которое наконецъ звучитъ въ устахъ людей менѣе добродѣтельныхъ—все это способно ошеломить зрителя, незнакомаго съ причудами римлянъ.

Общественнымъ маскарадомъ въ театрѣ Алиберти, такъ называемымъ *festino*, заканчивается шумное масленичное веселье. Всѣ расстаются со словами: удивительный народъ въ Римѣ.

Унылая тишина водваряется какъ на Корсо, такъ и въ самыхъ отдаленныхъ кварталахъ.

На другой день опять будутъ зажигать свѣчи только передъ изображеніями Бога, святой Дѣвы Маріи и Святыхъ.

Приблизительно такъ, дорогой мой батюшка, проходитъ римскій карнаваль. Нужно хорошо знать языкъ, для того чтобы отважиться на подобное описаніе.

Такой рассказъ требуетъ легкости изложенія и тонкихъ, остроумныхъ размышленій. Но я руководствовался поговоркой: „дѣлаютъ что могутъ, а не что хотятъ“: а моей главной цѣлью было желаніе доставить вамъ удовольствіе.

По случаю церковнаго праздника на масляницѣ былъ у насъ двухдневный отдыхъ. Этимъ перерывомъ воспользовались, чтобы отслужить заупокойную обѣдню въ память Кановы. Церковь была затянута черной матеріей и украшена его произведеніями. Прекрасный духовный концертъ долженъ былъ растрогать чувствительныя души молящихся, и заставить ихъ пожалѣть о потерѣ такого художника. Давидъ пропѣла молитвы, слишкомъ напомнившія намъ сцену, а потому пѣніе ея и не произвело на насъ должнаго впечатлѣнія. Теперь недѣля удовольствій кончилась, и мы будемъ смотрѣть великопостные обряды. Говорятъ, что для римскаго населенія это второй карнаваль—религіозный.

Въ теченіе мѣсяца не прекращаются ни общественныя, и частныя балы. Но хорошая погода больше располагаетъ къ прогулкамъ, чѣмъ къ какимъ нибуь другимъ развлеченіямъ. Деревья начинаютъ цвѣсти, а въ поляхъ появилось множество фіалокъ. О, какъ вамъ было бы полезно пожить теперь въ Римѣ, дорогой батюшка!

Человѣкъ положительно возрождается подъ благодатнымъ небомъ Италіи, а вдыхая ея чудный воздухъ, чувствуешь большое наслажденіе. Русская природа до такой степени печальна, что убиваетъ всѣ порывы ума и сердца. Взоръ встрѣчаетъ лишь разбросанныя по необъятной равнинѣ деревни, жители которыхъ не имѣютъ ни воли, ни желаній; иногда попадетъ желтое деревцо одиноко гибнущее въ открытой степи, или однообразныя поля ржи, зрѣющей подъ безцвѣтными небесами. Ужасно то, что Россія нравится только тѣмъ, кто не жилъ за границей. Она кажется мѣстомъ, предназначеннымъ для кочевой жизни дикихъ народовъ; можно сказать, что и лошади потому бѣгаютъ у насъ съ изумительной быстротой, что чувствуютъ себя какъ бы на свободѣ.

Римъ въ одно и то же время и большой городъ, и обширная деревня. Здѣсь не нужно, какъ у насъ, строить плановъ для путешествія для того, чтобы любоваться природой. Вы всегда на лонѣ ея.

Постъ посвящается здѣсь поѣздкамъ. Осматриваютъ памятники старины, и неудивительно, что такой климатъ породилъ римлянъ—людей, столь непохожихъ на другихъ.

Упрекаю себя въ томъ, что до сихъ поръ ничего не сказалъ вамъ о Ватиканѣ, огромномъ зданіи, примыкающемъ къ храму Св. Петра, и я очень жалѣю, что это такъ. Потому что мнѣ хотѣлось бы, чтобы великолѣпная базилика одна возвышалась среди строгой колоннады, чтобы глазъ не встрѣчалъ ни одного предмета, отвлекающаго отъ чуднаго зрѣлища, и чтобы только небо служило ему фономъ. Въ Ватиканѣ мало картинъ. Это не роскошная галлерея, вродѣ нашего Эрмитажа, гдѣ всѣ стѣны покрыты картинами всевозможныхъ школъ и всякой величины, но зато тамъ находится Преображеніе кисти Рафаэля, а вѣдь это первая картина въ мірѣ. Остальныя—Гвидо, Пуссэна, Микеля Анджело. Нѣкоторыя изъ нихъ изображаютъ страданія святыхъ, напр. Святого Эразма, у котораго вытягиваютъ внутренности съ помощью особой рукоятки, и, признаюсь, что такія зрѣлища настолько разстраиваютъ воображеніе, что зритель не въ силахъ любоваться прекраснымъ исполненіемъ картины. На мой взглядъ, самое страшное изображеніе ласкаетъ глазъ, производитъ впечатлѣніе на душу только тогда, когда оно въ тоже время красиво и благородно, но когда обыкновенное изображеніе въ то же время ужасно, впечатлѣніе настолько же отвратительно, насколько страшенъ сюжетъ.

Вотъ группа Лаокоона и Аполлонъ Бельведерскій—дѣйствительно прекрасныя произведенія древняго искусства. Я не видѣлъ ничего равнаго по красотѣ послѣднему. Совершенны и положеніе тѣла, и благородное выраженіе лица.

Глядя на эту статую, ни на минуту не забываешь, что въ ней нѣтъ ни одного недостатка. Нужно признаться, что древніе имѣли величественное представленіе о своихъ богахъ, по поводу чего Шиллеръ въ одномъ изъ своихъ самыхъ лучшихъ, но въ то же самое время самыхъ нечестивыхъ произведеній сказалъ, что „до тѣхъ поръ, пока боги были доступнѣе людямъ, люди были больше похожи на боговъ“.

Въ Ватиканѣ есть три статуи Кановы, и по моему два гладиатора—это лучшее изъ всѣхъ произведеній, созданныхъ рѣзцомъ великаго художника, возродившаго ваяніе. Нѣсколько русскихъ молодыхъ людей, живущихъ на средства Двора, очень успѣшно изучаютъ здѣсь искусство. У Гольберга замѣчательный талантъ. Онъ такъ хорошо сдѣлалъ

бюсть Италинскаго, что лучшаго желать нельзя, онъ заслужилъ величайшей похвалы.

Изъ живописцевъ очень талантливы Сазоновъ, Балень и Щедринъ, они съ большой пользой проводятъ положенные пять лѣтъ въ Римѣ.

Нѣсколькихъ дней мало для изученія всѣхъ сокровищъ Ватикана. Мраморныя произведенія всѣхъ родовъ и разнаго достоинства наполняютъ громадное зданіе, и если уничтожить всѣ его богатства, оно само по себѣ все таки останется прекраснымъ произведеніемъ искусства. Многія комнаты, какъ напр., комнаты Лаокоона и Кановы, построены специально для помѣщающихся въ нихъ статуй, и слѣдовательно, статуи поставлены въ самомъ выгодномъ освѣщеніи.

Тамъ находятся ложи Рафаэля, украшенные живописью подъ руководствомъ великаго художника, а нѣсколько вещей написаны имъ самимъ. Какъ то разъ я былъ тамъ, какъ вдругъ увидѣлъ въ окно, что снѣгъ крупными хлопьями падаетъ на дворъ Ватикана.

Я чувствую себя, слава Богу, прекрасно, и учусь постоянно, потому что здѣсь можно пріобрѣсти гораздо больше знаній на прогулкѣ, чѣмъ сидя дома съ книгой въ рукахъ. Мои доходы не позволяютъ мнѣ много тратить, но я нашелъ выходъ изъ этого затрудненія, обязанъ только самому себѣ и отлично наладилъ свое хозяйство; теперь я нисколько не жалѣю о томъ, что многоуважаемый начальникъ отказался пріютить меня въ своемъ громадномъ дворцѣ.

Я былъ бы совершенно счастливъ, если бы ни одиночество, потому что когда въ голову приходятъ новыя мысли, а сердце полно разными чувствами, человѣку хочется съ кѣмъ нибудь подѣлиться избыткомъ ихъ. Изъ какого матеріала вы насъ создали, дорогой батюшка? Мнѣ кажется, изъ инога, чѣмъ всѣ остальные люди.

Здѣсь, въ Римѣ, подъ прекраснымъ небомъ Италіи, мнѣ суждено болѣть тоской по родинѣ, а когда бываешь растроганъ чѣмъ нибудь, тогда то и чувствуешь, чего тебѣ недостаетъ.

Воспоминаніе сдѣлалось для меня лучшимъ другомъ, оно стало источникомъ величайшихъ наслажденій. Развѣ работа памяти не похожа на взглядъ, брошенный съ высокой горы на пережитыя жизненныя невзгоды и радости? Радость, которую мы испытываетъ, преодолевъ

первыя и горечь, которую чувствуемъ, сознавая, что не можемъ больше упиться другими. вмѣстѣ съ гордымъ сознаниемъ, что вы все же пили отъ чаши наслажденій, все это вмѣстѣ взятое и составляемъ чудодѣйственную силу воспоминанія, этой единственной жизненной школы, потому что опытъ окрыленъ воспоминаніемъ. Только тогда безграничный горизонтъ развертывается у нашихъ ногъ.

Приходится плыть по морю, усѣянному подводными камнями и чреватому бурями, а надъ головой, въ ожиданіи новыхъ жертвъ, растилаются темныя небеса—но для опытнаго человѣка такое путешествіе напоминаетъ мирную хижину, гдѣ онъ позналъ любовь, оставивъ свой челнъ у тихой пристани; пропасть, въ которую было такъ легко упасть, становится въ нашихъ глазахъ мирнымъ источникомъ, и весело смотрѣть на него, и растроганный путникъ больше любитъ прошлымъ, чѣмъ опасается за будущее, таящее въ себѣ новыя бури и еще неизвѣданныя радости.

Въ заключеніе, любезный батюшка. вотъ вамъ и поэзія и проза, и веселое, и грустное.

Будьте моимъ судьей, потому что никто не сдѣлаетъ этого лучше васъ. Я очень хотѣлъ бы обладать волшебнымъ кольцомъ—невидимкой, чтобы незримо присутствовать, когда вы будете читать мое письмо. Увы! Къ сожалѣнію, я только на бумагѣ могу выразить вамъ всю горячность моихъ чувствъ.

Цѣлую Матушку, Тетушку, Антонину, Петра, Александра. Передайте мое почтеніе княгинѣ Куракиной и привѣтъ всѣмъ друзьямъ нашего дома. Цѣлую няню Катерину.

Прощайте, дорогой батюшка. Будьте Богомъ хранимы, на радость вашимъ дѣтямъ, и до сохранить ихъ Господь вашими молитвами. Цѣлую ваши ручки и остаюсь вашъ на вѣки покорный сынъ

Митухинъ.

Земно кланяюсь Вельяминовой.

Римъ, 25 Августа н. с. 1823 г.

Меня дѣйствительно пугаетъ, дорогой батюшка, громадный промежутокъ времени, отдѣляющій мое послѣднее письмо отъ этого, кото-

рое я пошлю вамъ сегодня. Представьте себѣ, что прошло больше четырехъ мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ къ намъ присылали послѣдняго курьера, потому что только такимъ путемъ я получаю извѣстія отъ васъ. Настоящее письмо пишу на спѣхъ, потому что долженъ отправить его съ австрійскимъ курьеромъ, поэтому напишу только самое главное.

Нужно сознаться, что дипломатическое поприще началось для меня необычными событіями.

Едва успѣлъ я пристать къ Константинопольскому берегу, какъ во владѣніяхъ *Султана* разражается возстаніе, рѣшающее судьбу народовъ. Пріѣзжаю въ Римъ: тамъ умираетъ *Папа*. Онъ скончался 8/20 Августа, послѣ двухдневной агоніи. Я не могъ себѣ представить, чтобы о Государѣ жалѣли такъ мало, какъ о Піѣ VII. Народъ не подавалъ ни малѣйшихъ признаковъ сожалѣнія, зато выказалъ большое любопытство.

Правда, Государь, въ высшей степени ослабѣвшій, какъ тѣлесно, такъ и духовно, давно уже умеръ для народа. Кардиналъ Пасса, занялъ пока папскій престолъ. Конечно онъ раздастъ теперь новыя должности и управляетъ всѣмъ государствомъ. Въ теченіе двухъ дней тѣло папы было выставлено въ его дворцѣ. Квириналъ, и множество народа ходило взглянуть на брѣнные останки перваго владыки католической религіи.

На другой день, ночью, его очень торжественно перенесли въ храмъ святого Петра. Шествіе было чисто военное.

Швейцарцы, въ древнихъ костюмахъ, почетная стража и артиллерія открывали и замыкали шествіе. Ни одно духовное лицо не присутствовало на торжествѣ. Почему? Потому что въ этотъ моментъ Папа считается только свѣтскимъ государемъ. На слѣдующее утро была заупокойная служба, и тѣло Святого Отца было выставлено въ боковой часовнѣ храма Святого Петра такимъ образомъ, что смертный одръ былъ помѣщенъ за рѣшеткой, только ноги покойнаго выступали наружу, въ самый храмъ. Вчера и сегодня народъ съ утра до вечера приходилъ цѣловать его туфли, украшенные крестомъ.

Болѣзнь и кончина Владыки такъ изсушили его тѣло, что ему на лицо пришлось положить восковую маску. Какъ только онъ скон-

чался, его внутренности были перенесены въ его приходскую церковь. Конклавъ откроется 2-го Сентября по новому стилю.

Засѣданія будутъ происходить въ Квириналѣ. Поперекъ улицъ, выходящихъ къ этому дворцу, воздвигаются стѣны, поэтому вошедшіе туда кардиналы будутъ отрѣзаны отъ всего міра до тѣхъ поръ, пока не будетъ выбранъ новый Папа. Я подробно опишу это событіе, и при первомъ удобномъ случаѣ пришлю это произведеніе вамъ, любезный батюшка. Я присоединю къ нему свои замѣтки о древностяхъ города Рима. Мы представлялись Папѣ за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти. Онъ принялъ насъ въ кабинетѣ, сидя за письменнымъ столомъ. При нашемъ появленіи онъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ встать, сказалъ нѣсколько словъ нашему Посланнику, а намъ протянулъ руку, которую мы и поцѣловали безъ всякихъ церемоній. Черезъ минуту мы вышли. Я видѣлъ почтеннаго Владыку въ Монте Кавалло, когда онъ благословлялъ несмѣтное количество христіанъ, преклонившихъ предъ нимъ колѣна. Но пора поговорить о дѣлѣ, болѣе важномъ для меня.

Я получилъ оба вашихъ письма, одно отъ 1-го Февраля, другое отъ 19 Марта, и не знаю, какъ благодарить васъ за нихъ. Въ послѣднемъ изъ нихъ есть извѣстія, которыхъ я никакъ не ожидалъ, потому что близкая, а можетъ быть, уже состоявшаяся женитьба Поля, крайне удивила меня. Братъ можетъ пожелать только счастья своему брату, и я въ отчаяніи, что не могу лично убѣдиться въ достоинствахъ молодой особы, съ которой онъ вступить въ бракъ. Семья Голицыныхъ такъ велика, что трудно разобратъся въ ихъ родословной, но нужно ли собирать свѣдѣнія о предкахъ, когда вполне увѣренъ въ достоинствахъ молодой особы, которой предназначено дополнить наше счастье! Меня нисколько не удивляетъ *поспѣшность*, съ которой устроилось это дѣло такъ, какъ княгиня Горчакова и Александръ принимали въ немъ дѣятельное участіе, а принимая во вниманіе характеръ Поля, они поступали правильно, слѣдуя пословицѣ: „куй желѣзо, пока горячо“. Я также прекрасно понимаю любовь моего брата къ скромной молодой особѣ, такъ непохожей на женщинъ большого свѣта, которыхъ Польша всегда сторонился. Наконецъ, дорогой батюшка, не могу скрыть отъ васъ своей радости по поводу того, что наша линія не угаснетъ, и что братъ, въ теченіе десяти лѣтъ терпѣвшій нужду, будетъ обезпеченъ хорошимъ состояніемъ. Дай Богъ, чтобы эта независимость не нарушила его душевнаго покоя. Правда, его доходы не такъ велики, но его бережливость утроитъ ихъ, а свойственная ему умѣренность избавитъ его въ будущемъ отъ бѣдности, которая теперь кончается для него.

Нужно сказать вамъ объ одномъ печальномъ событіи, дорогой батюшка. Дмитрій опять помѣшался. Признаки его безумія появились въ то же самое время, какъ и въ Вѣнѣ, и носятъ тотъ же характеръ, Онъ бѣгалъ по улицамъ, жаловался на меня, на нашу семью, говорилъ, что пойдетъ жаловаться Папѣ, дѣлалъ другія нелѣпости. Тогда, по совѣту князя Гагарина, намъ пришлось отправить его въ сумасшедшій домъ. Уже два мѣсяца, какъ онъ находится въ такомъ состояніи, а оно всецѣло зависитъ отъ полнокрівія, на которое жара дѣйствуетъ такъ. Въ теченіи пяти мѣсяцевъ здѣсь не выпало буквально ни одной капли дождя. Небо какъ въ огнѣ, а воздухъ, которымъ приходится дышать, раскаленъ, какъ въ горнилѣ.

Больницы въ Римѣ переполнены людьми всѣхъ классовъ, заболѣвшими душевнымъ разстройствомъ. Демидовъ, находящійся сейчасъ въ Луккѣ, относится ко мнѣ по дружески; онъ обѣщалъ помочь мнѣ перевезти морскимъ путемъ моего слугу въ Петербургъ, гдѣ сѣверный климатъ вернетъ ему утраченное здоровье. Пока мнѣ прислуживаетъ итальянецъ.

Любезный батюшка, увѣрьте его родныхъ въ томъ, что я ничего не пожалѣю, чтобы по мѣрѣ возможности улучшить состояніе несчастнаго молодого человѣка.

Мое здоровье выносить все. Я не чувствовалъ ни малѣйшаго недомоганія съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ въ Римъ. Мои служебныя отношенія все тѣ же. Въ душѣ Италинскій хорошо относится ко мнѣ, но никогда этого не высказываетъ. У него тяжелый характеръ. Мои товарищи всячески угождаютъ ему, но что касается меня, я уважаю его возрастъ, заслуги, оказанныя имъ родинѣ, но придерживаюсь другой политики. Два придворныхъ, искушенные въ своемъ дѣлѣ, покончили бы все въ одно мгновеніе. Третій, большей частью, дѣлается или смѣшнымъ, или лишнимъ.

Въ вашемъ послѣднемъ письмѣ, дорогой батюшка, есть вопросъ, на который мнѣ тяжело отвѣчать. Это вопросъ о религіи. Увы! У насъ нѣтъ ни церкви, ни священника, а слѣдовательно, нѣтъ никакой возможности выполнить долгъ христіанина. Я хожу въ католическіе храмы, но не боюсь быть обращеннымъ. Ни одинъ городъ не располагаетъ менѣе къ религіи, и если міръ когда нибудь вернется къ идолопоклонству, то возстаніе начнется здѣсь.

Мы провели самое печальное лѣто въ мірѣ. Всѣ наши развлечения ограничились игрой въ *giotra*. Люди и собаки сражались съ буйволами. Разъяренные животныя подбрасывали на воздухъ то чело-вѣка, то собаку, а зрители были въ восторгѣ, судорожно радовались. Вотъ что называется развлеченіемъ въ *апостольскомъ* государствѣ. Дорогой батюшка, я думаю нѣтъ надобности поручать вамъ няню Катерину. Кончина ея мужа даетъ ей полное право ожидать отъ васъ участія.

Кончаю это письмо со спокойной совѣстью, потому что наконецъ то я прервалъ вынужденное молчаніе. Цѣлую всю семью и новаго камеръ-юнкера.

Шлю братскій привѣтъ Жоржу и всему его семейству, княгинѣ Куракиной, и прошу принять увѣренія въ чувствѣ глубокой признательности за добрую память обо мнѣ. Кланяюсь всѣмъ, кто меня помнитъ. На родинѣ произошло много перемѣнъ, но мы знаемъ объ этомъ только изъ газетъ. Прощайте, любезный батюшка, цѣлую вамъ руку и прошу родительскаго благословенія. Остаюсь всегда покорный и преданный

сынъ Дмитрій.

Римъ, 17/28 Сентября, на слѣдующій день послѣ избранія Льва XII.

Наконецъ то, любезный батюшка, я имѣю возможность написать вамъ. Съ чувствомъ невыразимаго счастья я схватился за перо и спѣшу сообщить вамъ всѣ свои новости.

Я былъ бы радъ исполнить выше желаніе и просто писать, а не сочинять свои письма, но я считаю это совершенно невозможнымъ. потому что безъ сочиненія мои письма не будутъ ни длинными, ни занимательными для васъ. Наоборотъ, я думаю, что моя переписка будетъ когда нибудь дневникомъ, передающимъ мое пребываніе въ Италіи и не будетъ походитъ похожа на черновики, небрежно набросанные лѣнивой рукой.

Эпоха время моего пребыванія въ Римѣ представляетъ изъ себя громаднѣйшій интересъ. На престолъ только что вступилъ новый Папа: это Левъ XII. Конклавъ тянулся только 26 дней. 49 Кардиналовъ подали голоса и выборъ палъ на викарнаго Кардинала делла Дженга, римлянина по происхожденію.

Радость народа, по поводу этого событія трудно поддается описанію. Новому Папѣ 63 года, онъ религіозный человѣхъ съ твердымъ характеромъ. Нельзя себѣ представить всѣхъ интригъ, сопровождавшихъ избраніе новаго Государя, для описанія ихъ потребовались бы цѣлые томы. Къ тому же это вполнѣ естественно при выборномъ, а не наследственномъ правленіи, тѣмъ болѣе въ архіерейской средѣ, которой такъ свойственно коварство, а поэтому я умолкаю. Чтобы быть Папой, нужно было получить большинство 33-хъ голосовъ.

Конклавъ избралъ на свободный престолъ кардинала Североли, бывшаго папскаго посла нунція въ Вѣнѣ, но Австрія не дала *согласія*. Кардиналъ пережилъ тяжелую минуту, когда лишился тиары въ тотъ самый моментъ, когда былъ уже увѣренъ, что она принадлежитъ ему. Вотъ какъ это произошло. Конклавъ былъ въ полномъ составѣ, и было вынута уже 26 записокъ въ пользу Североли, какъ австрійскій уполномоченный кардиналъ Альбани поднялся со своего мѣста и прервалъ подачу голосовъ. Затѣмъ онъ произнесъ рѣчь, въ которой заявилъ высокому собранію, что Императоръ не согласенъ съ рѣшеніемъ Конклава и по высшимъ соображеніямъ не допустить, чтобы папская корона была возложена на голову Кардинала Североли.

Все таки можно было предполагать, что онъ все равно не получилъ бы надлежащаго числа голосовъ, и что число избирательныхъ записокъ возросло до 26 только для того, чтобы напугать Кардинала Альбани и заставить его примѣнить запретное право Австріи. Такое право принадлежитъ только четыремъ католическимъ державамъ: Австріи, Франціи, Испаніи и Португаліи, но каждая изъ нихъ можетъ воспользоваться имъ только одинъ разъ за все время засѣданій Конклава.

Вы имѣете уже нѣкоторое понятіе объ этомъ собраніи, любезный батюшка, такъ какъ въ послѣднемъ письмѣ я писалъ вамъ объ этомъ но сегодня я буду говорить болѣе подробно. Римское Государство—единственное съ выборнымъ Правительствомъ, а поэтому весьма любопытно знать его особенности.

Квириналь, дворецъ, гдѣ обыкновенно живутъ Папы, выбранъ мѣстомъ для засѣданій Конклава. Въ распоряженіи каждаго Кардинала было по двѣ маленькихъ комнаты, расположенныхъ вдоль двухъ огромныхъ корридоровъ, одного въ верхнемъ, другого въ нижнемъ этажѣ. Въ концѣ этихъ корридоровъ находится большая часовня во

имя Св. Духа, гдѣ два раза въ день собираются всѣ Кардиналы для тайныхъ выборовъ. Всѣ выходящія къ Квириналу улицы были заграждены стѣнами, а стража удвоена. Никто не могъ приблизиться къ мѣсту, гдѣ происходило избраніе. Каждый Кардиналъ имѣлъ при себѣ двухъ прислужниковъ, *конклавистовъ*. Надежные люди, называемые *dapifero*, въ каретахъ, одѣтые въ ливрею каждаго Кардинала, съ извѣстными обрядами, ежедневно привозили Кардиналамъ обѣдъ и необходимыя имъ вещи. Эта церемонія живо напоминаетъ мнѣ обѣденные котлы янычаровъ, которые носятъ по улицамъ Константинополя съ такой же пышностью, но съ еще большимъ почтеніемъ. *Dapifero* приближались къ такъ называемый *ruota*, подобію вращающейся башни, устроенной такимъ образомъ, что конклавистъ не входитъ въ общеніе съ принесимъ вещи; послѣдній, положивъ ихъ на мѣсто, возвращается домой. Ни одна вещь не пропускается въ Конклавъ безъ тщательнаго осмотра. Чтобы разговаривать съ Кардиналами, иностранные послы должны направляться къ той же *ruota*.

Ихъ рѣчь должна быть передана приставленному къ *ruota* чело-вѣку. Маршаломъ Конклава былъ назначенъ князь Киджи; это наслѣдственный постъ въ ихъ семьѣ. Пока папскій тронъ свободенъ, онъ имѣетъ право выбивать медали со своими гербами, и вмѣстѣ съ этимъ письмомъ я посылаю вамъ, дорогой батюшка, одну такую серебряную медаль.

Чѣмъ же были заняты въ городѣ во время Конклава? Это было нѣчто маловѣроятное. Писали сатиры, и въ памфлетахъ, дѣйствительно ужасныхъ, не пощадили ни одного Кардинала.

Стыдно смотрѣть, какъ всѣ высмѣивали столповъ церкви и расточали позорную брань людямъ, одному изъ которыхъ они должны были черезъ нѣсколько дней—цѣловать ноги.

Не пощадили самого Святого Духа, и между прочимъ, была сатира, изображающая Его съ тѣломъ, наполовину голубя, наполовину воина. На немъ были ботфорты со шпорами, а въ рукахъ большой кнутъ. Въ такомъ видѣ онъ является къ Кардиналамъ, но вмѣсто того, чтобы вдохновить ихъ своимъ присутствіемъ, онъ забавляется тѣмъ: что бранить ихъ и грозить имъ своимъ кнутомъ. Поэтому поводу въ голову приходитъ странная мысль. Ни въ одномъ изъ этихъ пасквилей не было упомянуто имя дѣйствительнаго Папы, тогда какъ всѣ остальные Кардиналы служили предметомъ особенныхъ насмѣшекъ. Наконецъ все

кончено, и люди, считающіе себя умнѣе всѣхъ, ужъ не терзаютъ вашихъ ушей своими островами. Такъ то самыя святыя вещи становятся здѣсь предметомъ поруганія, а великое событіе развиваетъ дурныя нравы.

Обычай требуетъ, чтобы Посланники привѣтствовали Кардиналовъ при входѣ въ Конклавъ и произносили прочувствованныя рѣчи по случаю смерти Папы. Лучше всѣхъ была рѣчь французскаго Посла, Герцога де Лаваль Монморанси.

Такъ какъ всѣ развлечения въ это время запрещены, то вмѣстѣ съ нетерпѣніемъ узнать о результатахъ выборовъ въ обществѣ и въ народѣ воцарилась скука. По утрамъ и по вечерамъ всѣ отправляются на площадь Квиринала, которая представляетъ изъ себя самое пріятное зрѣлище въ мірѣ. Папскій дворецъ окруженъ Швейцарскою гвардіей, одѣтой въ костюмы древнихъ временъ; живописный городъ, съ одной стороны увѣнчанный горами, двѣ знаменитыя статуи Кастора и Поллукса, рѣзца Праксителя и Фидія, красивый фонтанъ посреди площади—все это придаетъ особую прелесть этому мѣсту.

Желаніе народа поскорѣе узнать своего новаго князя кладетъ на это событіе особый духовный отпечатокъ, котораго не встрѣтишь нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Каждый вслухъ описываетъ Кардиналовъ, собравшихся на Конклавъ. Одинъ желаетъ такого-то, другой—этого: родственники, друзья и даже слуги кардиналовъ принимаютъ въ этомъ живѣйшее участіе. Всѣ надѣются стать приближенными папскаго престола. Вотъ обстоятельство, достойное психолога! Но что больше всего привлекало вниманіе населенія, такъ это *sfumata*.

Записки, на которыхъ подаются голоса, послѣ каждыхъ утреннихъ и вечернихъ выборовъ сжигаются въ печкѣ. Дымъ выходитъ изъ трубы, вдѣланной въ стѣну, выходящую на площадь Квиринала.

Народъ думаетъ, что Папа избранъ, если не видно *sfumat'ы*, однажды, заслушавшись барабана, бившаго зорю, никто не замѣтилъ, какъ дымъ поднимался изъ трубы, и въ одно мгновеніе слухъ объ избраніи Папы разнесся по всему городу. На улицахъ поднялась бѣготня, и гласъ народа наугадъ называлъ имя новаго Государя.

Одно изъ большихъ оконъ дворца, выходящихъ на площадь, во время засѣданій Конклава бываетъ заколочено.

Его открываютъ только тогда, когда Папа дѣйствительно избранъ. Тогда къ открытому окну подходитъ одинъ изъ Кардиналовъ и громкимъ голосомъ объявляетъ объ избраніи новаго Папы. Вотъ образецъ его рѣчи:

„Annuncio vobis gaudium magnum, Papam habemus Eminentissimum ac dissimum Dominum Annibalem reveren della Genga qui sibi imposuit Nomen Leonis XII“.

Черезъ четверть часа всѣ думаютъ объ одномъ. Одно и то же имя передается изъ устъ въ уста, всѣхъ занимаетъ одно и то же. Окно со всѣмъ разбирается. Каждый ударъ какъ бы заявляетъ о новой справедливости, милосердіи и славѣ. Имя Льва XII всѣмъ напоминаетъ прекрасный вѣкъ Льва X. Это будетъ, говорятъ, новый покровитель искусствамъ и наукамъ.

Кардиналы тотчасъ же покидаютъ Конклавъ. Папа въ тотъ же день съ большой пышностью отправляется въ храмъ Св. Петра, гдѣ начинается *поклоненіе*. Я никогда не видѣлъ большого скопленія народа. На всѣхъ лицахъ написана радость, всеобщая, искренняя. Папа ѣхалъ въ большой, старой парадной каретѣ, какія можно еще видѣть на гравюрахъ, изображающихъ вѣздъ короля въ Лувръ или коронованіе Императрицы Елизаветы. Онъ сидѣлъ въ ней на креслѣ, и благословлялъ народъ. Приѣхавъ къ храму Св. Петра, онъ отправился въ Сикстинскую капеллу, *идъ сль на главный престолъ*. Тогда Кардиналы бросились къ нему и лобызали его ноги, руки и плечи. Оттуда, поднимая кресло высоко надъ толпою, его понесли въ храмъ. Пѣвчіе пѣли гимны, народъ кричалъ. черезъ толпу невозможно было пробраться. Я вмѣстѣ съ дипломатическимъ корпусомъ находился въ самой серединѣ храма и прекрасно видѣлъ всѣ полагающіеся въ этотъ день обряды. Можно ли присутствовать при болѣе величественномъ зрѣлищѣ? Я видѣлъ Владыку всего католическаго міра, которому поклонялся народъ въ храмѣ, прекраснѣе и больше котораго нѣтъ на землѣ.

При этомъ во всю развернулась живость чувствъ, свойственная всѣмъ южнымъ народамъ. Римскій народъ держитъ себя очень свободно. Они живутъ скорѣе на улицахъ, чѣмъ въ домахъ, мысли и чувства передаются другъ другу во мгновеніе ока, съ быстротою молніи.

Вотъ, любезный батюшка, добросовѣстный рассказъ о текущихъ событіяхъ. Я расскажу вамъ и о коронованіи Папы въ храмѣ. А теперь

и вздыхаю о промежуткѣ времени, отдѣляющемъ ваше послѣднее письмо отъ сегодняшняго дня. Я получилъ его 19-го Мая. и съ тѣхъ поръ отъ васъ не было больше извѣстій. Я ничего не знаю о состояніи вашего здоровья и о здоровьи всей семьи, наконецъ не знаю, состоялась ли горячо желанная свадьба Поля.

Здоровье мое до сихъ поръ въ прекрасномъ состояніи. Прошелъ цѣлый годъ съ тѣхъ поръ, какъ я въ первый разъ проѣзжалъ черезъ Римъ по дорогѣ въ Неаполь, и долженъ сознаться, что этотъ годъ принесъ мнѣ больше горя, чѣмъ радости. Занимаясь искусствами и науками, я искалъ только радостей, которыя можетъ дать бездѣятельное созерцаніе. Я забылъ, что можно жить болѣе дѣятельной жизнью.

Оставивъ или потерявъ на время способность мечтать, моя душа утратила безпокойство, свойственное неудовлетвореннымъ желаніямъ и не знающее границъ.

Прошло лѣто, невыносимое въ Римѣ время года. Осенняя прохлада вернула мнѣ силу, энергію и довольство природой. Я возобновилъ свои прогулки; охотно брожу въ окрестностяхъ Капитолія: посѣщаю музеи, гдѣ каждый день нахожу. чѣмъ полюбоваться. Чтобы полюбить Римъ, нужно проникнуться его жизнью. потому что это совсѣмъ особенный городъ, непохожій на другіе. Видѣвшіе Лондонъ. Парижъ, Вѣну и Петербургъ не могутъ по нимъ судить о столицѣ Папской области.

Здѣсь непрестанно говорятъ о наукахъ и искусствахъ; каждый послѣдній простолюдинъ знаетъ лучшія произведенія, посѣщаетъ мастерскія, знакомъ съ художниками, ваятелями, ему извѣстно. чѣмъ кто прославился, онъ знаетъ заслуги Метастаза, поэта, преимущественно народнаго, и наизусть читаетъ Тассо. Главнѣйшій позоръ Рима—это религія. Здѣсь совсѣмъ не уважаютъ священниковъ, этихъ франтовъ, порхающихъ по всему городу.

Римскія церкви можно считать частью домовъ. Туда входятъ безстрастно, не теряя хладнокровія, проходятъ черезъ нихъ по нѣскольку разъ въ день. чтобы сократить себѣ путь. Ханжество, сквозящее въ рѣчахъ итальянцевъ, особенно жезщинъ, часто прикрываетъ собою невѣріе, таящееся въ глубинѣ ихъ сердець. Клянутся здѣсь не иначе, какъ именемъ Бога. Пресвятой Дѣвы и Святыхъ. Гдѣ русскій употребилъ бы неприличное слово, тамъ итальянецъ клянется именемъ Иисуса.

Зимой къ намъ собирается иностранное общество. Австрійскій посланникъ возобновилъ еженедѣльные приемы. Мы лишены теперь Демидовскихъ представлений, потому что онъ на нѣсколько лѣтъ поселился во Флоренціи. Графъ Сень-При, тотъ самый, съ которымъ вы часто встрѣчались во время вашего путешествія въ Одессу, пріѣхалъ въ Римъ со своимъ младшимъ сыномъ.

Прощайте, дорогой батюшка, до дня коронаціи.

Римъ, 6-го Октября н. с., 1823 года.

Вчера происходило коронованіе Папы. Оно было великолѣпно. Въ храмъ Св. Петра воздвигли три трона, на которые Папа поочередно садился и принималъ поклоненіе Кардиналовъ и другихъ духовныхъ лицъ. Всякій разъ, какъ онъ долженъ былъ перемѣнить мѣсто, двѣнадцать человекъ переносили его въ креслѣ подъ балдахиномъ. Онъ самъ служилъ обѣдню. Папа сидѣлъ на главномъ тронѣ, противъ алтаря, гдѣ исповѣдуются.

Направо и налѣво отъ него расположились Кардиналы, сидя на скамьяхъ, а у ихъ ногъ—по два пажа. Зрѣлище получилось дѣйствительно величественное. При Святомъ Отцѣ находились Кардиналъ Руффо, въ качествѣ главнаго священника, и Конслави—перваго діакона. Евангеліе читали по гречески и по латыни. Вмѣстѣ съ римскимъ духовенствомъ здѣсь были епископы, представители всѣхъ католическихъ странъ.

Послѣ многихъ пѣснопѣній и чтенія самимъ Папой, про себя и вслухъ, въ моментъ посвященія Папа сошелъ съ трона и направился къ алтарю. Пѣніе прекратилось, какъ только онъ поднялъ чашу, духовенство и несмѣтная толпа зрителей—всѣ упали на колѣни. Тогда трубы возвѣстили о совершившемся посвященіи. Невозможно имѣть настоящее представленіе о величій подобнаго обряда, не зная красотъ храма, въ которомъ онъ совершается. Поэтому, любезный батюшка, я присоединяю сюда подробное описаніе храма Св. Петра, составленное безъ всякаго преувеличенія.

Послѣ посвященія Папа снова занялъ тронъ, туда принесли ему Святыя Тайны и онъ причастился, не вставая съ кресла.

Вся эта церемонія тянулась съ 6 часовъ утра до двухъ часовъ дня. Какъ только обѣдня кончилась, Папа направился въ ложу

Св. Петра. По пути стояло духовенство и зрители. Тамъ старшина надѣлъ ему на голову тиару, а Папа благословилъ народъ, бросивъ нѣсколько индульгенцій, которыя разрывались на части усердными фанатиками. Во время обѣдни нѣсколько разъ жгли хлопокъ. Этотъ обрядъ сопровождался постановленіемъ, которое когда то читалось греческимъ Императорамъ, а теперь этотъ обычай перешелъ къ Папамъ. *Sic transit gloria mundi.*

Новый Князь началъ свое правленіе съ уменьшенія налоговъ, превышающихъ милліонъ франковъ. Онъ отмѣнилъ нѣкоторыя бесполезныя зрѣлища, какъ на примѣръ *la girandola* и иллюминаціи, и установилъ Государственный Совѣтъ, состоящій изъ шести Кардиналовъ, оставивъ за собой право постояннаго предсѣдательства.

Судя по его характеру, можно ожидать счастливаго царствованія, но его немощи не обѣщаютъ ему долгой жизни. Онъ лежалъ въ постели, когда ему объявили объ избраніи, онъ даже отказывался отъ высокаго поста, но уступилъ просьбамъ Святой Коллегіи.

Довольно о Папѣ.

Наше Посольство—въ полномъ составѣ. Бутурлинъ уже цѣлый мѣсяцъ какъ живетъ въ Римѣ. Это богатый молодой человекъ, сынъ какого-то ученаго, ловкій, но необыкновенно добрый малый. Мы продолжаемъ каждый день обѣдать у Итальянскаго. Нужно хорошо знать этого начальника, чтобы уважать его по заслугамъ. Это добрый, терпѣливый человекъ, но со странностями, которыя могутъ не понравиться; но на нихъ не обращаютъ вниманія въ виду его преклоннаго возраста. Признаюсь, что я не былъ доволенъ ни оказаннымъ мнѣ приѣмомъ, ни его обращеніемъ со мной въ теченіе долгаго времени.

Я открыто жаловался на него и просилъ Демидова и затѣмъ князя Гагарина помочь мнѣ выйти изъ ложнаго положенія, въ которомъ я очутился.

Итальянскій узналъ объ этомъ, и вотъ что отвѣтилъ этимъ господамъ: „Я ничего не имѣю противъ этого юноши, но у него нѣтъ никакого такта: онъ подаетъ руку посланникамъ и кладетъ локти на столъ.“

Что могъ я отвѣтить на такое милое возраженіе? Я видѣлъ, что онъ старался найти предлогъ, чтобы оправдать свое предубѣжденіе

противъ меня. Между тѣмъ мнѣ приходилось подчиняться обстоятельству, и какъ мнѣ ни было трудно, я пожертвовалъ самолюбіемъ и продолжалъ вести себя по прежнему. Наконецъ время и мое деликатное упорство повидимому обезоружили Италинскаго и все вошло въ свою колею. Теперь я совершенно возстановилъ свое доброе имя. Я скрывалъ все это отъ васъ, дорогой батюшка. Я боялся, что такія извѣстія произведутъ на васъ тяжелое впечатлѣніе, поэтому и скрывалъ отъ васъ свое собственное недовольство.

Присоединяю къ этому письму небольшое, но точное описаніе Римской провинціи, Пантеона и базилики Св. Петра. Я увѣренъ, что вы съ удовольствіемъ прочитаете мое произведеніе, потому что оно написано вдохновенно и правдиво. Вы будете такъ добры, что познакомите съ нимъ княгиню Куракину, мнѣніемъ которой я такъ дорожу, и всѣхъ, кому охота узнать занимающія меня мысли и чувства.

Дмитрій скоро выйдетъ изъ сумасшедшаго дома, но я затрудняюсь, какимъ образомъ переправить его въ Россію. Ему вреденъ климатъ Італіи, а кромѣ того я самъ больше не хочу держать за границей русскихъ крѣпостныхъ. Они доставляютъ только заботы и непріятности.

Изъ Петербурга примымъ путемъ былъ намъ присланъ фельдгеръ Масловъ, но онъ не привезъ мнѣ вѣстей отъ васъ; теперь мы посылаемъ его опять на сѣверъ съ порученіями, среди которыхъ находится и это письмо. Отъ души желаю, дорогой батюшка, чтобы оно застало въ добромъ здоровьи какъ васъ, такъ всю нашу семью, и молю Бога о томъ, чтобы кончилась неизвѣстность, въ которой я нахожусь, не получая отъ васъ писемъ. Тяжело жить въ такой неизвѣстности.

Цѣлую Матушку, Тетушку, Антонину, Пьера, Поля, Александра. Кланяюсь всей домашней челяди, старымъ и древнимъ слугамъ.

Цѣлую также, и дѣлаю это безъ малѣйшаго колебанія или стѣсненія, мою невѣстку, если мой братъ уже женился. Что сказать вамъ самому, дорогой батюшка? Никакія слова не выразятъ того, чѣмъ полно мое сердце всякій разъ, какъ я подумаю о раздѣляющемъ насъ разстояніи и времени, которое еще долго будетъ насъ раздѣлять. Я твердъ въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, вы твердо внушили мнѣ долгъ доброты и сыновнихъ чувствъ, и я считаю себя счастливымъ и спокойнымъ, выполняя назначенное вами.

Прошу васъ, отгоните отъ себя всѣ печальныя мысли обо мнѣ. Въ общемъ у меня со всѣми хорошія отношенія; у меня нѣтъ враговъ среди моихъ близкихъ, и я не расстаюсь съ философіей, подругой моей юности.

Вотъ способы, которыми я добиваюсь счастья, если не блестящаго, не бросающагося въ глаза другимъ, зато неспособнаго ослѣпить меня самого.

Я такъ освоился съ итальянскимъ языкомъ, что объясняюсь на немъ быстро и легко легкостью. Я усердно занимался итальянскими классиками и въ состояніи понять самыя сложныя стихотворенія. Но я не восторгъ отъ итальянской поэзіи. У Тассо больше блеска, чѣмъ глубины мыслей и чувствъ, а въ произведеніяхъ Данте большой хаосъ, въ которомъ трудно разобраться, заранѣе составивъ себѣ мнѣніе о немъ. У Метастаза множество поучительныхъ изрѣченій, но характеры его драматическихъ произведеній слишкомъ безыскусственны.

Съ тѣхъ поръ, какъ я въ Римѣ, я пробовалъ заниматься скульптурой, и не безуспѣшно.

Я кончилъ копію съ бюста Италинскаго, работы Гольберга, посланнаго въ Римъ на казенный счетъ Петербургской Академіей, и началъ лѣпить фигуру красивой альбанки со статуи знаменитаго Торвальдсена.

Наконецъ, прощайте, дорогой батюшка. Отъ всего сердца цѣлую васъ и остаюсь вашъ всегда послушный и преданный сынъ

Д м и т р і й.

Пріѣзжалъ ли въ этомъ году въ Москву братъ Мишель? Надѣюсь, что мой племянникъ теперь ужъ большой мальчикъ.

Видѣніе при Тивольскомъ водопадѣ.

Посвящено М. А. Нарышкиной, во время пребыванія ея въ Римѣ.

Объять жемчужной бѣлизной.
Стремится водопадъ въ пучины,
Гремитъ съ Тибурскія¹⁾ вершины.
Какъ дальній грохотъ громовой.
Въ немъ глыба водъ неизмѣрима.
Какъ въ бурю пѣнится, кипитъ;
И пыль серебристая, чуть зрима,
Блестящей радугой горитъ.

¹⁾ Тиволи въ древнія времена называлось Тибуръ.

Всёсильный, неприступный зѣвъ!..,
 Дымятся толпы дождевыя,
 Встають, какъ тучи громовыя,
 Ужаснѣйшій подъемля ревъ.
 О водопадъ! тобой объятый,
 Простился дубъ съ родной землей;
 Не такъ ли жизни мигъ крылатый
 Добыча пламенныхъ страстей?

Какъ гробы вскрыты, безъ тѣлъ,
 Изъ подъ корней чернѣють зданья,*)
 Въ нихъ слышны стонъ и рокотанье
 И эхо славныхъ въ мѣрѣ дѣлъ.
 Но въ часъ безлунной полуночи,
 Толпы тѣней примѣтны тамъ
 И блещутъ врана дики очи,
 И скачутъ волны по волнамъ.

Стенаеть вѣковой утесъ,
 И обезсиленъ въ глыбъ валится,
 Надъ нимъ волна реветъ, клѣбится,
 Паденью внемлетъ темный лѣсъ.
 Едва прислушался кичливый
 Стремленью водъ младый елень.
 Какъ вспрынулъ чуткій, боязливый,
 И въ тихую умчался сѣнь.

Но кто съ бессмертною главою,
 Кто тамъ, на камени высокомъ,
 Сидитъ въ мечтаніи глубокомъ
 Надъ ниспадающей рѣкой?
 Въ огнѣ горять власы сѣдые,
 И пламень Генія въ очахъ;
 Рокочуть струны золотыя
 Въ его божественныхъ перстахъ.

„О сколь душѣ отраденъ ты,
 Великолѣпный видъ природы!
 Гремить ли громъ, шумять ли воды,
 Во всемъ ты множишь красоты.

*) Съ природы.

Подъ дивною творца рукою
 То нивы гибнуть, то цвѣтуть.
 И гдѣ былъ пламень подь стопою,¹⁾
 Тамъ воды ясныя бѣгутъ.“

„Я поучаль мой бурный²⁾ вѣкъ,
 И юноши и старца лѣты;
 Царямъ я подавалъ совѣты
 И истину съ улыбкой рекъ.³⁾
 Гляди.... средь ужасовъ природы
 Здѣсь тѣни славныя умрутъ
 И быстро водопада воды
 Мое безсмертіе рекутъ!“⁴⁾

Я съ тайнымъ ужасомъ вперилъ
 Мой взоръ на высоты кремнисты,
 И свѣтлый водопадъ, огнистый
 Державина изобразилъ.
 Надъ нимъ со хладными крылами
 И съ взоромъ пламеннымъ орелъ
 Парилъ надъ снѣжными буграми,
 И въ яры пропасти смотрѣлъ.

Шуми, гласи Тибурскій токъ:
 Здѣсь Меценатовы руины;⁵⁾
 Въ отчизнѣ, вѣкъ Екатерины—
 Пѣвца творить завиднымъ рокъ.
 Горять огнемъ златой денницы
 Вѣка художествъ и наукъ,
 И добродѣтельной цѣвницы
 Не исчезаетъ въ мірѣ звукъ.

Кн. Д. Долгорукой.

1) Въ окрестностяхъ Рима находятся слѣды огнедышащихъ горъ. Въ ихъ жерлахъ нынѣ озера.

2) Державинъ описалъ ужасные слѣды революціи.

3) Стихъ Державина: *И истину царямъ съ улыбкой говорилъ.*

4) *Водопадъ*, безъ сомнѣнія, одна изъ лучшихъ піесъ Державина.

5) У самаго водопада Тивольскаго видны руины жилища Меценатова.

Италія.

Римская равнина.

Здѣсь Зевсовъ куполь цѣль;
Духъ Цезаревъ исчезъ. (Сила Генія).

Я умолчу о чувствѣ, навѣянномъ мнѣ видомъ Рима. Обиліе мыслей лишило меня дара слова. Въ моей памяти соединились эпохи расцвѣта славы и упадка знаменитой міровой державы, ея преступленія и добродѣтели. Я чувствовалъ, что недостойнѣ спокойно смотрѣть и безстрашно ступать на землю, бывшую когда то колыбелью, а теперь ставшую могилой величайшихъ представителей человѣчества. Воображеніе податливо: оно вздымается и успокоивается, какъ море, и человѣкъ, занятый только настоящимъ моментомъ, лишился бы многихъ необычныхъ ощущеній. Мой спутникъ служить такимъ горькимъ примѣромъ. Мы подвѣзжали къ самому городу, а онъ еще спалъ, и предпочелъ бы сонъ пробужденію, хотя бы ему снился только дымъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ родился. А между тѣмъ мы часто покидаемъ родину, порываемъ съ самыми сильными привязанностями только для того, чтобы убѣдиться въ суетѣ всего земного. Кто не сдѣлался философомъ въ Римѣ, никогда не будетъ имъ!

Гордость, смѣшанная съ грустью, охватываетъ душу при видѣ Рима. Цѣпь горъ, бывшая когда то страной Стерниковъ, Сабинянъ, Вольсковъ, тянется съ сѣвера на юго-востокъ и полукруглымъ кольцомъ охватываетъ равнину Лаціума. Тибръ, истоки котораго находятся въ горахъ, протекаетъ мимо Соракта и священной рощи Тибурція, потокомъ пересѣкаетъ городъ Римъ и впадаетъ въ море близъ безплодной Остіи.

Чѣмъ больше смотрѣть на эту невоздѣланную, дикую равнину, тѣмъ величественнѣе она кажется. Душа опечалена, груститъ здѣсь. Думается: какъ же человѣкъ, одинъ единственный человѣкъ могъ дать такой толчокъ цѣлымъ вѣкамъ! Ромуль, вскормленный волчицей, провель черту вокругъ простого холма, и онъ, простой пастухъ, положилъ этимъ начало міровой державѣ!

Поэтому, что бы ни говорили, безсмертіе было главной цѣлью, къ которой стремились римляне, и все здѣсь носить слѣды творческаго генія.

Множество огнедышащихъ горъ, какъ на примѣръ Кастелло Гондольфо, Неми, Браччіано и другія, теперь представляютъ изъ себя неподвижныя озера. Стало быть, гораздо раньше, чѣмъ Эвандръ поселился на Палатинскомъ холмѣ, раньше чѣмъ Эней нашелъ убѣжище въ Лаціумѣ, наконецъ, когда еще ничто не предвѣщало Римлянамъ такой поразительной славы, уже тогда эта земля представляла изъ себя цѣпь дымящихся горъ! Нарисуйте себѣ картину всемогущества вѣковъ.

Гаснутъ вулканы, въ ихъ жерлахъ растилается поверхность мирно дремлющихъ водъ, а Римъ, бичъ всего міра, возвышается на безпредѣльномъ пепелищѣ.

Въ политическомъ отношеніи средніе вѣка ничего не дали Италіи; но они ослабили присущую ей энергію. Республики, сильныя сами по себѣ, не могли противостоятъ могуществу новыхъ, образовавшихся на сѣверѣ силъ, и мы были свидѣтели того, какъ Венеція, ея лучшій, ея самый цвѣтушій городъ, испустила послѣдній вздохъ подъ давленіемъ германцевъ; мы видѣли, какъ она исчезла, подобно блестящей кометѣ, заблудившейся въ безпредѣльныхъ пространствахъ. А развѣ не похожи на сонъ сами средніе вѣка, съ ихъ ужаснымъ покровительствомъ феодализму, застѣнками, гдѣ угасають слабыя, гдѣ торокъ торжествуетъ, а крестъ изгоняется? Но все проходитъ! Науки и искусства учреждаютъ новую эпоху въ Италіи.

Какъ спокойна природа Лаціума. Можно сказать, что она отдыхаетъ послѣ длиннаго ряда вѣковъ, въ теченіе которыхъ она была принесена въ жертву людямъ не желавшимъ подчиняться ея законамъ. Потому что тотъ, кто читалъ исторію Квиритовъ, исторію, которую молодежь заставляютъ выучивать насильно, тотъ не можетъ не почувствовать, что она состоитъ изъ ряда сверхъестественныхъ поступковъ и возмутительной жестокости! А между тѣмъ Богъ подожилъ конецъ этимъ вѣкамъ и тамъ, гдѣ вѣрные Ему мученики проливали свою кровь во имя Его, тамъ теперь цвѣтеть древо мира. Зеленъ, лѣса— все какъ сквозь стекло передаетъ нашему глазу прозрачность воздуха: небеса, спокойствіе и нѣжность которыхъ льютъ въ душу любовь и надежду, удваиваютъ душевныя силы и смягчаютъ опасныя силы ума: вошь истинныя обольщенія юга.

На римской равнинѣ вездѣ встрѣчаются слѣды огня и остатки вулканическихъ веществъ. Почва подъ ногами блеститъ. Траскати и Альбано построены на горахъ, отдѣлившихся отъ цѣпи Аппенинъ, и

образующихъ родъ острова посреди Лаціума. Пребываніе тамъ полно прелести и наслажденія. Общій видъ, открывающійся оттуда на берега Остіи, напоминаетъ океанъ, особенно, если легкій туманъ прозрачной дымкой заволакиваетъ мѣстность. Глазъ пытается различить семь холмовъ, но они едва видны, хотя и оставили неизгладимый слѣдъ въ исторіи. Остатки стѣнъ и акведуговъ древняго города представляются въ видъ милліоновъ воротъ: надъ всѣми господствуетъ базилика Св. Петра.

Можно различить пальмы, дубы, ивы и сосны, придающіе столько прелести итальянскимъ видамъ. Почва большей частью не воздѣлана. Только огороды и виноградники указываютъ на присутствіе человѣка.

Встрѣчаются храмы, своды которыхъ покоятся на безформенныхъ грудахъ камня. Въ наши дни это мѣсто—не для идиллій, хотя когда то оно служило мѣстопребываніемъ безсмертныхъ, жилищемъ оракуловъ.

„Мальчишки всячинкой сорять“ можно было бы сказать, если бы этому не противорѣчили развалины, а также и то, что Римъ вернулся къ первобытному состоянію, потому что не великолѣпныя постройки, а воспоминанія и царящій въ здѣшнихъ мѣстахъ беспорядокъ въ наши дни дѣйствительно придаютъ величавость этому виду.

Если отнять у современнаго Рима всѣ его развалины, не правда ли, городъ приметъ жалкій видъ? Сознаемся. Главныя красоты придаетъ ему все таки наше воображеніе. На величественныхъ развалинахъ, этомъ наслѣдіи владыкъ міра, наша душа отгоняетъ заблужденія и даетъ настоящую оцѣнку прошлымъ вѣкамъ. И падающій храмъ, и пыль, поднимающаяся при его паденіи, развѣ это не истинные призраки славы?

Изъ всѣхъ дорогъ, существовавшихъ во времена Императоровъ, сохранились только двѣ. Фламиніева—та, по которой подъѣзжаютъ къ Риму. Знаменитая Аппіева дорога покрыта гробницами, большая часть которыхъ утратила свой прежній видъ. Другъ забвенія, плющъ, не растаетъ съ этими обломками и напоминаетъ о жизни взорамъ, омраченнымъ безотраднымъ зрѣлищемъ.

До сихъ поръ еще по римской равнинѣ разсѣяно множество прекрасныхъ произведеній искусства. Въ землѣ роются неустанно, а

находки не прекращаются. Одними руководить любовь къ искусствамъ, другими—жажда наживы, и часто самыя жалкія на видъ могилы превышаютъ всѣ ожиданія.

Примѣръ, данный намъ римлянами, единственный въ своемъ родѣ. Науки и искусства могутъ расширяться, дѣлать новыя завоеванія: но чтобы какой нибудь другой народъ достигъ такой славы и такого паденія—этого судьба больше не захочетъ.

1823 г.

Пантеонъ.

Остановимся на мысли, что Пантеонъ—прекраснѣйшій изъ обломковъ древняго Рима, что это образъ могущества и дарованія древнихъ. Странная это вещь—духъ народовъ! Почему Пантеонъ, такой, какъ онъ есть, безъ роскошныхъ украшеній, превышаетъ по красотѣ даже храмъ Св. Петра? Взгляните на его суровый и мрачный обликъ; на его перестиль, образецъ соразмѣрности, покоящійся на непоколебимыхъ основаніяхъ, на колонны, поддерживающія безсмертную надпись.

Здѣсь поклонялись какъ милосерднымъ Богамъ, такъ и жестокимъ людямъ. Юпитеръ и Цезарь встрѣчались здѣсь лицомъ къ лицу. Пантеонъ нашихъ дней напоминаетъ смертнаго, утратившаго юношескую привлекательность, но сохранившаго на склонѣ лѣтъ величіе добродѣтели и благородство характера.

Чувство красоты у древнихъ не есть слѣдствіе знаній, оно у нихъ въ крови. Они все дѣлали красиво.—А что можетъ ограничить разумъ человѣческій?

Пантеонъ вовсе не искусственное соединеніе: это одно цѣлое, одна воплощенная мысль. Онъ великъ не вдохновеніемъ; не нужно наводить историческія справки; можно ничего не знать о древности его происхожденія: сразу видно, что онъ не принадлежитъ нашимъ вѣкамъ. Видъ Пантеона напоминаетъ бурную ночь.

Внутри онъ представляетъ изъ себя правильный кругъ. Свѣтъ падаетъ изъ широкаго отверстія въ сводѣ, который Микель-Анджело оторвалъ отъ земли и подвѣсилъ на облакахъ. Вандализмъ лишилъ его лучшихъ украшеній. Нѣтъ больше скульптуры Діогена Аѳинянина, ни каріатидъ, о которыхъ упоминаетъ Плиній. Могила, смерть, вотъ

образы, поражающіе воображеніе при входѣ въ храмъ. Можно сказать, что на его стѣнахъ произошла жестокая революція, что цѣлый стройный міръ перешелъ въ небытіе. Повсюду обломки мрамора. Вспоминаешь языческихъ боговъ.

Нельзя не сознаться, что обожаніе ихъ необычайно подходило къ характеру людей.

Ихъ воображеніе населяло богами воды, воздухъ, свѣтъ, тьму. и развѣ они могли воображать ихъ уродливыми на землѣ. если они же сами создали для нихъ Небо?

Ach, da euer Warnendienst noch glänzte,
Wie ganz anders, anders war es da!
Da man deine Tempel noch bekränzte,
Venus Amatusia.

Богъ умирающій на крестѣ, замѣнилъ богиню Цитеры. Какой умственный переворотъ!

Въ наши дни этотъ храмъ въ полномъ упадкѣ. Мраморный портикъ совсѣмъ ушелъ въ землю. Почва подъ нимъ страннымъ образомъ опустилась и засыпала ступеньки у входа.

Все мѣсто уставлено скамьями. Здѣсь продаютъ рыбу, живность и маріонетокъ. Воздухъ тяжелый, наполненный мириадами мошекъ. У подножія храма торгуютъ иконами. Люди кажутся такими маленькими въ сравненіи съ огромными колоннами: невольно приходитъ на умъ странная противоположность между брэнностью челоуѣка и долговѣчностью его твореній.

Воздухъ въ среднемъ, кругломъ помѣщеніи, нездоровый. По ночамъ изъ склеповъ поднимаются удушливыя испаренія. Ахъ, эти склепы! Что за ужасное зрѣлище! Мертвецовъ опускаютъ туда нагими, безъ одежды и гроба: въ полномъ смыслѣ слова, падаютъ туда. Они лежатъ грудами, одинъ на другомъ.... Что я вижу? они двигаются!...

Нѣтъ, это черви и крысы копошатся въ ихъ членахъ. У однихъ лица ужъ сдѣлались неузнаваемыми, отъ другихъ остались одни клочья.... Ахъ, эти склепы! Это чумные очаги: на этомъ свѣтѣ нѣтъ ничего ужаснѣе ихъ.

Храмъ Св. Петра.

Базилика Св. Петра, постройка которой тянулась больше столѣтій и стоила неисчислимыхъ суммъ, была окончена лишь въ царствованіе папы Павла V (17 столѣтіе). Первый ея планъ былъ составленъ Браманте, величайшимъ строителемъ того времени. Онъ намѣревался придать ей форму греческаго креста, но впослѣдствіи Карлъ Мадерно передѣлалъ его на латинскій.

Величайшая и прекраснѣйшая мысль пришла въ голову Микелю Анджело. Подобно Богу, сказавшему во дни творенія: да будетъ свѣтъ, и сталъ свѣтъ; такъ и этотъ величайшій геній задумалъ поднять Пантеонъ, и Сикстъ V поднялъ его. Вся вселенная любитъся имъ, а дерзкой критикъ не достигъ ея высотъ.

Къ храму Св. Петра ведетъ мостъ, называемый мостомъ святого Ангела. Онъ получилъ это имя отъ дворца, находящаго напротивъ, и бывшаго когда то усыпальницею Императора Адріана. Въ царствованіе Александра VI архитекторы Юліанъ и Антоній де-Сангалло передѣлали ее въ крѣпость. Мысль сдѣлать тюрьму изъ мѣста послѣдняго успокоенія вполне соответствовала характеру этого Государя. Гиббонъ называетъ его Тиверіемъ христіанскаго Рима. Вычурныя статуи школы Бернини украшаютъ прекрасный мостъ, переброшенный черезъ Тибръ; его характеръ соответствуетъ вѣку Адріана. Уже съ моста налѣво видѣется куполь Св. Петра и дома, выступающіе изъ воды; направо—берегъ, покрытый кустарниками и зеленью, среди развалинъ, основанія которыхъ находятся тоже въ водѣ. Этотъ живописный видъ придаетъ особенную красоту Риму. Это дикое и гордое зрѣлище напоминаетъ о силѣ прошедшихъ столѣтій, и по моему къ Риму совсѣмъ бы не пристала легкость и изящество зданій. Событія накладываютъ извѣстный отпечатокъ на каждый вѣкъ, а неодушевленные предметы, бывшіе свидѣтелями прошедшихъ временъ, помогаютъ намъ понять душу и умъ народовъ. Такъ эта масса камня, называемая могилой Адріана, неустанно говоритъ намъ о твердости характера Квиритовъ.

„Земля священная героевъ и чудесъ,
Развалины и прахъ краснорѣчивый“.

Главная улица, ведущая къ храму въ новомъ городѣ—*Borgo nuovo*, такая же, какъ всѣ римскія улицы—грязная, вонючая, невыносимая. Здѣсь какъ будто никогда не прекращается дождь, падающій на окровавленные внутренности, рыбу и каштаны, которые поджариваются на

сковородкѣ, на разбитыя стекла и двери, наконецъ на ручьи нечистотъ, черезъ которыя приходится шагать. Въ десяти шагахъ отъ базилики виденъ только входъ въ его галерею, и величайшее изумленіе охватываетъ васъ, какъ только вы вступаете на площадь.

Если первое впечатлѣніе бываетъ иногда ошибочно, оно всегда самое прочное. То, о которомъ я говорю сейчасъ, никогда не изгладится изъ моей памяти. Способъ сравненія, облегчающій всякое познаніе, не нуженъ для того, чтобы постигнуть красоты этого храма. Его куполь, колонны и фонтаны ни съ чѣмъ несравнимы. Есть даже что то странное въ томъ чувствѣ, которое охватываетъ зрителя при видѣ ихъ. Я спрашивалъ себя, не служить ли причиной тому пограничная линія, проведенная мною между моимъ слабымъ физическимъ сложеніемъ и огромными массами, создающими это величіе? Однако я думаю, что читатель получить болѣе точное представленіе о храмѣ св. Петра послѣ того, какъ, узнавъ отъ меня всѣ подробности, потрудится вообразить себѣ его общій обликъ.

Всѣ замѣчаютъ, что фасадъ этого храма не такъ великолѣпенъ, какъ его внутренняя отдѣлка, что фронтоны слишкомъ сужены и что его колоннада совсѣмъ не соответствуетъ остальнымъ частямъ зданія. Прибавимъ сюда оба корридора между базиликой и колоннадой, которыя показались мнѣ совершенно неудачными. Ихъ обыденная простота спорить съ изяществомъ всего окружающаго. Я даже нахожу, что Ватиканъ присоединенъ къ базиликѣ въ ущербъ ей. Я предпочелъ бы, чтобы она возвышалась отдѣльно, среди своихъ колоннадъ, и чтобы глазъ не встрѣчалъ на своемъ пути ничего, что отвлекало бы его отъ главнаго; чтобы одно небо служило ей фономъ.

Колонны и карнизъ фасада растутъ и расширяются по мѣрѣ того, какъ вы приближаетесь къ нимъ. Обширная лѣстница, среднія ступени которой едва намѣчены, ведетъ къ дверямъ храма. Его размѣры, кажущіеся издали только большими, вблизи становятся исполнскими, тѣни кажутся неестественными, все принимаетъ царственный видъ. Желтоватый камень и темнота сѣней—все это видно изъ оконъ и дверей и производитъ сильное впечатлѣніе.

Колоннада составляетъ самую прекраснѣйшую и самую классическую часть базилики. Она построена по плану Бернини. Дорическій стиль придаетъ ей простой и величественный видъ, а въ промежуткахъ между колоннами мельбаютъ дома и зелень: въ каждой колон-

надъ три прохода, а храмъ Св. Петра никогда не казался мнѣ такимъ прекраснымъ, какъ тогда, когда я любовался имъ, глядя сквозь эти колонны, которыя то сходятся. то расходятся, и бесконечно мѣняютъ общій видъ.

Не лишнимъ будетъ упомянуть здѣсь о торжествѣ Тѣла Господня, празднуемомъ въ храмъ Св. Петра. Въ этотъ день колоннада бываетъ украшена буковыми и лавровыми листьями; дома увѣшаны дорогими коврами и шелковыми матеріями. Несмѣтное число зрителей занимаетъ мѣста. устроенныя между колоннами. между которыми проходитъ шествіе, состоящее изъ всѣхъ родовъ духовенства въ сопровожденіи почетнаго караула.

Въ этотъ день, второй разъ въ году, слышатся крики *luogi, sedie*, живо напоминающіе веселый праздникъ карнавала. Народъ въ такомъ же возбужденіи. Кардиналь—Государственный Секретарь—раздаетъ билеты за своей подписью, украшенные его гербами, всѣмъ, желающимъ какъ слѣдуетъ видѣть шествіе *Тѣла Господня*.

Лучшую часть этого шествія составляетъ Папа, котораго несутъ на плечахъ, и кажется, что онъ стоитъ на колѣняхъ съ чашей въ рукахъ. Уже въ этомъ году, здоровье Папы стало плохо, и его обязанности исполнялъ кардиналь Сомалья. старшина свят. собора, но онъ не пользовался пышностью, требуемой въ присутствіи самого Государя. На мой взглядъ этотъ праздникъ освѣщаетъ намъ религіозное настроеніе римлянъ. Для нихъ это настоящее театральное представленіе. Духовенства они больше не уважаютъ. Полиція силой заставлятъ снимать шляпы передъ Святыми Дарами, и только у женщинъ сохранилась нѣкоторая набожность. Но что я говорю? Я еще не могъ оторвать глазъ отъ главнаго шествія, какъ звуки музыки Россини (*di tanti palpitati*) поразили мой слухъ. Да, религіозныя торжества стали въ Римѣ только зрѣлищами; самые догматы религіи поддерживаются только страхомъ и ханжествомъ, лицемѣріе поклоняется Богу и алтарямъ, а священническія рясы поютъ. ходятъ на балы и открыто ухаживаютъ за женщинами.

Великолѣпный египетскій обелискъ, изъ числа тѣхъ, которые украшали храмы разрушеннаго Камбизомъ Стеліополиса. какъ надменный свидѣтель вѣковыхъ переворотовъ возвышается на площади служившей когда-то циркомъ Нерону. Онъ былъ построенъ изъ одного куска краснаго гранита, безъ гіероглифовъ. Исторія говоритъ намъ.

что Калигула привезъ его изъ Египта и помѣстилъ въ Ватиканскомъ циркѣ, гдѣ происходили мученія христіанъ, недостойнымъ зачинщикомъ которыхъ былъ одинъ Кай. „Ни людская помощь,—говорить Тацитъ,—ни княжеская щедрость, ни религіозные обряды, ничто не могло заглушить позорныхъ слуховъ, приписывавшихъ пожаръ Рима Нерону. Чтобы прекратить ихъ, онъ отыскивалъ виновныхъ и подвергалъ жесточайшимъ пыткамъ несчастныхъ, ненавистныхъ всѣмъ людямъ, называемыхъ въ просторѣчии христіанами“.—Здѣсь великій, справедливый Тацитъ возстаетъ противъ Христа и его ученія, обвиняя его въ отвратительномъ суевѣріи.

На концахъ площади находится по фонтану: это самые изящные фонтаны въ Римѣ. Изъ одной точки выходятъ нѣсколько водяныхъ струй, расходящихся въ воздухъ, и раньше чѣмъ упасть въ водоемъ въ видѣ блестящей стеклянной пыли, онѣ скользятъ по двумъ грядамъ гранита, покрытаго мохомъ и почернѣвшаго отъ времени. Въ вѣтреный день эти фонтаны напоминаютъ морской приборъ, и ихъ паденіе производитъ такое же сильное впечатлѣніе на слухъ, какъ все окружающее—на зрѣніе.

Есть много способовъ любоваться внѣшнимъ видомъ этого храма—днемъ или при лунномъ свѣтѣ, но необходимо упомянуть о томъ, какой видъ придаютъ ему огни иллюминацій. Луна подчеркиваетъ красоту и величіе зданій, и нѣтъ ничего великолѣпнѣе храма Св. Петра, озареннаго этимъ свѣтиломъ. Колонны отбрасываютъ тѣни, располагающія къ мечтательности: фонтаны кажутся призраками: мѣрное паденіе ихъ водъ возбуждаетъ и успокаиваетъ чувства. На васъ дѣйствуютъ не развалины, принявшія странныя формы, не коридоры, куда забрался лунный свѣтъ и пугаетъ васъ; нѣтъ, есть что то великое и назидательное въ общей картинѣ храма Св. Петра. Душой овладѣваетъ не чувство страха, которое возникаетъ при видѣ Рима и которое такъ нравится путешественникамъ, но какое то восхищеніе, дѣлающее храмъ еще прекраснѣе. Въ какой степени способна совершенствоваться наша душа, если даже при созерцаніи хотя бы и исполинскаго, но все таки человѣческаго творенія, она сквозь матеріалъ чувствуетъ силу его вѣчной природы.

Для того, чтобы, взглянуть на иллюминацію, въ Римъ стекаются иностранцы со всѣхъ концовъ свѣта, и она вполне заслуживаетъ той славы, которой пользуется въ Европѣ. Развѣ недостойна величайшаго изумленія одна мысль объ освѣщеніи такой громады, какъ базилика

Св. Петра, но дѣйствительность превышаетъ то, что рисуетъ себѣ самое богатое воображеніе. Это зрѣлище приурочивается къ нѣкоторымъ большимъ церковнымъ праздникамъ или къ прѣезду въ Римъ знатныхъ особъ, и раздѣляется всегда на двѣ части.

Первая часть состоитъ изъ лампочекъ, обрисовывающихъ форму купола и придающихъ ему прозрачность рисунка. проколотаго булавами: лампочки зажигаютъ, пока еще не наступила полная темнота, и не можетъ быть ничего граціознѣе этого наброска, сдѣланнаго самимъ Микель-Анджело. наброска удивительнаго по изяществу и простотѣ,—онъ понемногу все яснѣе и яснѣе отдѣляется отъ неба и во всемъ великолѣпнѣи воспроизводитъ прекраснѣйшее произведеніе человѣческаго генія.

Рисунокъ купола изображаетъ подобіе тиары, а иллюминація выполнена до такой степени совершенно, что положительно нигдѣ не пропущено ни одной свѣтлой точки. Вторая часть иллюминаціи выполняется съ помощью широкихъ блюдечекъ, наполненныхъ горючими веществами. Перемѣна—дѣйствительно изумительная. Малѣйшая разсѣянность—и вы пропустите тотъ моментъ, когда купольъ появляется весь въ огнѣ, а всѣ его части, до верхушки креста, освѣщаются яркимъ снопомъ свѣта—вотъ дѣйствительно превосходное зрѣлище. Колебаніе этихъ огней напоминаетъ солнце, восшедшее на небеса среди глубокой ночи, оно кладетъ отблескъ на всѣ окружающіе предметы и придаетъ этому ночному празднику отпечатокъ такого величія, съ которымъ ничто не можетъ сравниться. Я ходилъ среди огромныхъ колоннадъ и видѣлъ лампочки, подвѣшенныя между колоннами: мнѣ никогда больше не увидѣть ничего подобнаго! Люди, зажигающіе эти лампочки, называются *sampietrini*: они живутъ на чердакахъ базилики. Тотъ, кто не видѣлъ, какъ они работаютъ, не можетъ представить себѣ ихъ ловкости. Они трудятся надъ иллюминаціей, какъ муравьи, съ неистижимой гибкостью карабкаются вверхъ и внизъ по канатамъ. Можно подумать, что у нихъ есть крылья или другія приспособленія, несвойственныя роду человѣческому.

Описавъ подробности базилики и особые случаи, придающія величавость храму Св. Петра, намъ пора войти внутри самаго зданія.

Красота римскихъ церквей заключаетъ въ себѣ большое противорѣчіе: мысль о присутствіи Бога, о томъ, что храмъ—Его жилище, не овладѣваетъ душой входящаго въ него. Въ нихъ ищутъ больше

красотъ архитектуры, чѣмъ красоты иконъ, а человѣческій геній тотъ богъ, которому тамъ на самомъ дѣлѣ поклоняются.

Было бы слишкомъ долго и почти бесполезно подробно описывать всѣ сокровища, заключающіяся въ базиликѣ. Одни произведенія изъ мрамора всѣхъ цвѣтовъ и всевозможныхъ формъ трудно вообразить тому, кто никогда не видѣлъ Рима; не буду говорить о сѣняхъ, ведущихъ въ храмъ и не стану описывать позолоченную штукатурку, колонны и статуи, украшающіе его. Моя единственная цѣль—схватить и передать общее впечатлѣніе.

Солнечный блескъ и шумъ фонтановъ такъ ошеломилъ меня, что, войдя внутрь храма, я былъ пораженъ тишиной и всѣ силы моей души какъ бы замерли. Взоръ едва охватывалъ глубокіе нефы храма; слухъ, какъ въ тяжеломъ снѣ, былъ заколдованъ едва слышными звуками органа: малѣйшій шумъ на лѣсахъ, воздвигнутыхъ для починки богатой позолоты сводовъ, отзывался, какъ эхо, среди ихъ необъятныхъ пространствъ. Со стороны главнаго алтаря съ трудомъ можно было различить людей упавшихъ ницъ передъ святынями, и канониковъ, проходящихъ по храму. Теразюція душу чувства также непонятны бѣдному человѣчеству, какъ и метафизическая сущность самой души. Чѣмъ сильнѣе нашъ восторгъ, тѣмъ онъ спокойнѣе.

Строгая простота алтарей и особенно разныя украшенія храма св. Петра разсѣиваютъ религиозныя мысли. Какъ только войдешь въ храмъ, взоръ устремляется въ глубь его, и останавливается на свѣтломъ пятнѣ, образуемомъ желтымъ стекломъ, прикрывающимъ собою окно и изображающимъ Святаго Духа во всей его славѣ. Скучное украшеніе, недостойное того мѣста, которое оно занимаетъ. Съ обѣихъ сторонъ главнаго корабля начинаются арки, ведущія въ поперечные корабли, украшенныя золотыми и мраморными памятниками. Тамъ все величественно, благородно, прекрасно! Восторгъ увеличивается съ каждымъ шагомъ: вся прелесть необыкновенной соразмѣрности этого храма особенно замѣтна тогда, когда стоишь въ самомъ центрѣ его, а куполь, какъ самая нѣжная и самая высокая мысль находится прямо надъ головою. Ничто не отвлекаетъ взоровъ когда находишься подъ куполомъ Микель-Анджело. Главный алтарь расширяетъ свои границы, и взоры блуждаютъ, ничемъ не стѣсненные. Но это незнающее преградъ пространство вредитъ зданію св. Петра. Взоръ слишкомъ удовлетворенъ, мысль, не встрѣчая никакихъ пре-

пятствій, не упражняегь своихъ силъ: этому храму не хватаетъ религіознаго мистицизма. Трикратное впечатлѣніе производилъ бы здѣсь православный алтарь: онъ усовершенствовалъ бы испытываемое здѣсь чувство, далъ бы сосредоточенность, облегчающую души и усилилъ бы этимъ довѣріе.

Здѣсь я долженъ упомянуть объ освѣщенномъ крестѣ, который спускають съ купола на Святой недѣлѣ; онъ одинъ освящаетъ всю внутренность обширнаго зданія. Производимое имъ впечатлѣніе совсѣмъ не соотвѣтствуетъ ожиданіямъ. Виною тому—характеръ самой постройки, невыгодной для игры свѣта и тѣни. Не знаю, недостатокъ это или явленіе вполне естественное, но разстоянія здѣсь такъ сокращаются по прямой линіи, что когда стоишь у главнаго алтаря, можно быть увѣреннымъ, что входная дверь находится очень близко, а когда пойдешь по направленію къ ней, окажется, что ни въ одномъ зданіи въ мірѣ нѣтъ большаго пространства. Базилика Св. Софіи въ Константинополѣ едва ли составляетъ половину храма Св. Петра. Однажды вскорѣ послѣ возвращенія изъ Неаполя, я видѣлъ, какъ туда вошли три тысячи австрійцевъ. Они пришли туда, чтобы поблагодарить Бога за то, что имъ удалось удержать шатающуюся корону на головѣ Фердинанда II. Но ихъ войско, хотя и значительное, было едва замѣтно въ храмѣ, а въ нѣкоторыхъ корабляхъ можно было даже избѣжать встрѣчи съ ними.

Лучшее украшеніе базилики составляютъ памятники Папамъ. Нѣтъ ни одного корабля, гдѣ бы ихъ не было. Одни изъ нихъ изображаютъ Папъ сидящихъ на креслѣ съ протянутой впередъ рукою, съ выраженіемъ нетерпѣнія на лицѣ. Они какъ бы отрекаются отъ міра, не признающаго больше ихъ власти; другіе, какъ напр. только что открытый памятникъ де Браски, въ смиренной позѣ, единственной, подходящей къ духу христіанской религіи. Съ точки зрѣнія красоты скульптуры, лучше всѣхъ несомнѣнно памятникъ Клименту XIII; это произведеніе дѣлаетъ честь эпохѣ возрожденія искусствъ. Онъ помѣщается надъ одной изъ дверей. Папа стоитъ на колѣняхъ, сложивъ руки и опустивъ глаза въ землю. У его ногъ съ одной стороны стоитъ Вѣра, съ вѣнцомъ вокругъ головы, а съ другой—дремлющій Геній.

Его голова и прическа напоминають Аполлона Бельведерскаго; его поза, позволяющая видѣть все его тѣло, полна нѣжной граціи работъ Кановы, но по моему ей не хватаетъ простоты. Зато два льва, стоящіе у двери, составляютъ прекраснѣйшее дополненіе къ этому памятнику.

Есть что то необыкновенно мрачное и въ тоже время могучее въ орбитахъ спящаго льва; можно подумать, что во снѣ онъ расчитываетъ, собирается съ силами; страшно подумать о его пробужденіи, потому что даже закрытые глаза его выражаютъ сильную волю.

Знаменитая статуя Милосердія находится въ Храмѣ Св. Петра. Это юношеское произведеніе Микель Анджело. Мнѣ не нравится эта мысль—помѣстить мертваго Христа на колѣняхъ Богоматери. Нужно всегда уважать слабость женщины. Кромѣ того, чтобы лучше судить о заимствованныхъ у природы образахъ, нужно изображать ихъ какъ можно натуральнѣе. А что сказали бы мы, видя мужчину на колѣняхъ у женщины?

Прекрасенъ барельефъ работы Альгарди, изображающій тотъ моментъ, когда Атилла, уже подступившій къ вратамъ Рима, неожиданно уводитъ свои войска въ Паннионію, испугавшись Свв. Петра и Павла, которые съ мечами въ рукахъ сходятъ съ небесъ на защиту святого города. На переднемъ планѣ фигуры почти отдѣляются отъ общаго фона картины.

Главный алтарь окруженъ необъятными бронзовыми массами. Ученые, принявъ позу пламенныхъ фанатиковъ, поддерживаютъ кресло, сдѣланное также изъ металла. Говорятъ, что здѣсь сохраняется кресло, на самомъ дѣлѣ принадлежавшее Святому Петру. Бронзовый балдахинъ высота котораго, какъ увѣряютъ, превышаетъ высоту лучшихъ римскихъ дворцовъ помѣщенъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ почиваютъ останки Перваго изъ Апостоловъ. Сквозь дверь видны три лампы, горящія въ таинственной тишинѣ этой часовни. Передъ нею—статуя Пія V, въ положеніи кающагося грѣшника, безъ тиары и въ простой одеждѣ; эта работа Кановы. Простота позы и всѣ подробности одежды исполнены замѣчательно. Нужно спуститься на нѣсколько ступеней ниже уровня церковнаго пола, чтобы какъ слѣдуетъ рассмотреть эту статую. Сто позолоченныхъ лампъ неугасимо горятъ предъ круглой загородкой, стоящей вокругъ этого святого мѣста, называемаго „Исповѣдью“ святого Петра. Казалось, нѣтъ ничего замѣчательнѣе этого настоящаго святилища вѣры, но, оказывается, недостаточно подумать о томъ, что находишься у мѣста погребенія смертныхъ останковъ любимѣйшаго изъ Апостоловъ. Здѣсь поставили еще мѣдную статую. Въ рукахъ у нея ключи, вокругъ головы—сіяніе, и люди приходятъ чтобы поцѣловать ей ноги и обтереть лбомъ влагу, оставшуюся послѣ ихъ поцѣлуевъ на металлѣ; но губы католиковъ такъ горячи, что Апостолу приходится

часто чинить ногу. Ученые увѣряютъ, что когда то это была статуя Зевса Громовержца.

Лучшія картины въ Ватиканѣ сдѣланы изъ мозаики, эти драгоценнѣйшія изъ церковныхъ украшеній составляютъ въ то же время за-престольныя иконы почти всѣхъ алтарей, число которыхъ 28.

Однажды, при яркомъ солнечномъ свѣтѣ, я видѣлъ Преображеніе, эту первую въ мірѣ картину, о которой поговорю со временемъ. описывая Ватиканъ. Солнечный лучъ скользилъ по поверхности картины, оставляя въ полутьмѣ Святыхъ Апостоловъ, собравшихся вмѣстѣ. Развѣ не въ этомъ заключалась главная красота божественной мысли великаго Рафаэля? Развѣ можно хоть на минуту забыть о видѣнномъ? Для того, чтобы любоваться базиликой, нѣтъ лучшей точки зрѣнія, чѣмъ тотъ нефъ, въ глубинѣ котораго помѣщается Преображеніе Рафаэля или причащеніе Св. Жерома Доминиканца, — это образцовое произведеніе искусства.

Святая Валерія, въ окровавленныхъ рукахъ несущая свою голову Епископу въ тотъ моментъ, когда онъ служитъ обѣдню—знаменитая картина Спарадино, но обезглавленное и въ тоже самое время живое тѣло . . . какой это замысел! . . . что за образъ! Нѣжное выраженіе лица святой, ея полуоткрытый ротъ, какъ бы радующійся торжеству вѣры; испугъ тѣхъ, кто присутствуетъ при этомъ чудѣ и особенно ребенокъ—пѣвчій, прячущій лицо въ складкахъ одежды священника—все это изображено удивительно правдиво. Противъ этого престола помѣщена великолѣпная мозаичная картина Камуччини. На ней изображенъ Ѳома, ошупывающій раны Спасителя. Неувѣренность Апостола и спокойствіе, съ которымъ Христосъ протягиваетъ ему руку, много жизненной правды; Камуччини—дѣйствительно первый рисовальщикъ въ Италіи.

Базилика Св. Петра построена надъ часовней, воздвигнутой Константиномъ Великимъ надъ могилами нѣсколькихъ Папъ. Входить туда разрѣшается, но тамъ нѣтъ ровно ничего любопытнаго. Могилы, въ видѣ безформенныхъ каменныхъ массъ или скульптурныхъ произведеній, говорящихъ объ упадкѣ искусства и изображающихъ главнымъ образомъ папъ, лежащихъ на смертномъ одрѣ; нѣсколько прекрасныхъ фризозъ, оставшихся отъ эпохи мира, кое-какія надписи и неважныя мозаики—вотъ все, что заключается въ склепахъ. Надъ останками Свв. Петра и Павла воздвигнутъ алтарь, и висятъ иконы,

изображающія ихъ на золотомъ фонѣ. Отъ ветхости позолота мѣстами отвалилась, а живопись, по всей вѣроятности греческая, свидѣтельствуетъ о необычайной древности этого произведенія.

Описать храмъ Св. Петра—трудно выполняемая задача. Я по мѣрѣ силъ старался быть правдивымъ и избѣгалъ преувеличеній въ разсказѣ, главное достоинство котораго—простота. Любезный читатель сопровождалъ меня въ подземелья храма, а потому теперь я прошу его быть добрымъ отправиться вмѣстѣ со мною внутрь купола, и, если ему будетъ угодно, подняться до креста на самой верхушкѣ. Предупреждаю его, что тамъ нѣтъ никакой лѣстницы, по которой онъ могъ бы взобраться.

Крыша базилики Св. Петра—это цѣлый міръ; это гора, съ которой виденъ весь Римъ и все теченіе Тибра; самостоятельный городокъ, потому что тамъ постоянно живутъ каменщики и различные рабочіе, наконецъ, если угодно, это корабль, потому что тамъ найдется доволья канатовъ, а ширина горизонта напоминаетъ море. Но ничѣмъ нельзя любоваться вполнѣ, если не оставить въ сторонѣ философію. Итакъ, говорилъ я самому себѣ, это чудо свѣта, это прекраснѣйшее изъ твореній рукъ человѣческихъ, развѣ не оно было одной изъ главныхъ причинъ реформаціи, которая до сихъ поръ дѣлитъ христіанскій міръ на двѣ половины? не она ли посѣяла рознь между людьми, признавшими одинъ и тотъ же законъ? Настоящая вина Виттембергскаго монаха въ томъ, что онъ воевалъ орудіями той Церкви, большая часть которой считала своей задачей постройку этого храма; развѣ это не есть неопровержимое доказательство того, что науки и искусства столь же достигли славы, сколько доставили большихъ и непоправимыхъ ударовъ Папской власти?

Съ крыши можно любоваться красотой постройки купола, украшеннаго золочеными Коринфскими колоннами, всѣ части которыхъ такъ легко сходятся въ одной точкѣ. Входъ въ куполъ очень удобенъ, а нѣкоторыя двери ведутъ на окружающія куполъ хоры, съ которыхъ можно смотрѣть внутрь базилики. Только отсюда можно ясно представить себѣ величіе этого чуднаго сооруженія. Сводъ покрытъ мозаикой съ позолотой, и по двумъ галереямъ, опоясывающимъ его, можно обойти кругомъ всего свода. Оттуда можно пройти внутрь фонаря, а затѣмъ по маленькой шаткой лѣсенкѣ, въ середину шара. Насъ было шестеро, но тамъ смѣло могло бы помѣститься и двѣнадцать человѣкъ. Можетъ быть слѣдуетъ упомянуть о порядкѣ, существующемъ въ этихъ воздушныхъ пространствахъ: на каждой двери есть номеръ: на каждомъ жилищѣ—надпись, гласящая о ремеслѣ рабочаго, живущаго здѣсь.

Михайль А. Дмитриеву.

Ты счастливъ, ты съ женой любимой
Проводишь день, проводишь ночь;
Ты на холмахъ Москвы родимой
(Москва, забавъ и славы дочь).
Въ кругу веселаго собранья
По мыслямъ, по душѣ людей,
Живешь безъ дальняго желанья
И славенъ лирою своей.

Въ гостяхъ, пѣшкомъ или въ каретъ,
Ты праздно убиваешь день,
Или, нахмуясь, въ кабинетѣ,
Какъ мрачная осеня тѣнь,
Чинишь перо... калены стрѣлы,
На просвѣщеніе враговъ;
И чу!.. въ дальнѣйшіе предѣлы
Несется звукъ твоихъ стиховъ.

Увы! скажу ль? въ то само время
Живеть на чуждой сторонѣ
Одинъ, князей бѣднѣйшихъ племя.
И жизнь проводить какъ во снѣ.
Поеть—не по наслѣдству лиры,
Но музъ безъ спроса ихъ любя.
Кто ты?.. Я сынъ пѣвца Глафиры,
Я Русскій, выслушай меня.

Былъ славный вѣкъ, вѣкъ той царицы
Гдѣ всякій жилъ, какъ кто хотѣлъ;
Хвалилъ шутя въ глаза Фелицѣ
И въ часъ иль нѣтъ, быть колкимъ смѣлъ.
Но гдѣ тотъ вѣкъ? и гдѣ Царица?
Иль солнце обтекло кругомъ?...
Нѣтъ, нѣтъ! Державина цѣвница
Еще горитъ его огнемъ.

Былъ вѣкъ любви въ преданьяхъ міра,
Фелицынъ вѣкъ, то все одно,
И былъ пѣвецъ любви и мира
Съ душой, какъ чистое стекло.

Хвалилъ добро, царей... не далъ...
 „Быль правдѣ крѣпостной слуга.“
 Веселья мигъ, зналъ вѣкъ печали,
 Вражды не зналъ, но зналъ врага.

Послушай: на Руси широкой
 Его кто пѣсенъ не читалъ?
 Урокъ премудрости высокой
 Кто въ завѣщаньи не позналъ?
 Природы сынъ, не сынъ искусства,
 Его ль спросить: зачѣмъ онъ пѣлъ?
 Онъ былъ пѣвецъ въ избыткѣ чувства
 И какъ лампада догорѣлъ.

Полета молніи быстрѣ,
 Не день, а годы протекли,
 И память старца все блѣднѣе!
 Пѣвца забвенью обрекли.
 Кто бросилъ на его могилу
 Не лавръ, хоть полевой цвѣтокъ?
 Друзья замѣтили насилу
 Что горный не шумитъ потокъ.

Почто, скажи, сіе презрѣнье
 Къ поэту, старцу нашихъ лѣтъ?
 Иль вѣчно—ново поученье,
 Что правды и за гробомъ нѣтъ?
 Или безъ пышности могила
 Не краше урны золотой?...
 Не все ль равно?.. земля покрыла,
 Обѣихъ обнесла травой.

Тебя осыпала дарами
 Съ природой дочь ея, любовь.
 Ты пишешь прозой и стихами,
 Въ тебѣ горитъ младая кровь....
 Я помню день того собранья
 Музей ученыхъ на Руси...
 Ты угадай мое желанье,
 И память старца воскреси.

Но что я рекъ?... Тамъ, подъ Мѡсковю
 Онъ спитъ, и тихъ страдальца сонъ.

Онъ окруженъ дѣтьми, женою,
Позналъ онъ времени законъ.
Прочтемъ же старца изреченье,
Такъ онъ вѣщалъ на сей землѣ:
„Среди могилъ успокоенье,
Коль я забыть... я чуждъ хвалѣ.“

Мадридъ, въ Августѣ мѣсяцѣ 1827 года.

Вашъ покорнѣйшій слуга

К. Д. Долгорукой.

